

РЭЙМОНД
ЧАНДЛЕР

*Прощай,
красавица*

АЗБУКА-КЛАССИКА

Филип Марлоу

Рэймонд Чандлер
Прощай, красавица

«Азбука-Аттикус»

1940, 1967

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Чандлер Р.

Прощай, красавица / Р. Чандлер — «Азбука-Аттикус», 1940,
1967 — (Филип Марлоу)

ISBN 978-5-389-12618-3

Знаменитый роман Рэймонда Чандлера, чьи книги о частном сыщике Филипе Марлоу не только заложили основы жанра «крутого» детектива, но и стали современной классикой в самом широком смысле. На сюжеты Чандлера сняты несколько эталонных фильмов-нуар, и для многих образ Марлоу прочно ассоциируется с личностью Хамфри Богарта, несколько раз снимавшегося в этой роли. Но Богарт не был первым: еще до его «Долгого сна» были сделаны две экранизации романа «Прощай, любимая» – с Джорджем Сандерсом в 1942 году и с Диком Пауэллом в 1944-м; третья экранизация появилась уже в 1975 году, и в этом фильме Филипа Марлоу сыграл Роберт Митчем. Марлоу представляет собой новый тип детективного героя: он романтик, сентиментальный рыцарь, всегда сохраняющий свою индивидуальность и соблюдающий кодекс чести. Он не ищет приключений – они сами его находят. Как в тот мартовский день, когда он всего лишь напомнил одному верзиле, что за выпивку надо платить. Их пути еще пересекутся – ведь оба ищут одну и ту же красотку...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-12618-3

© Чандлер Р., 1940, 1967

© Азбука-Аттикус, 1940, 1967

Содержание

1	7
2	9
3	14
4	17
5	20
6	25
7	28
8	31
9	36
10	39
11	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Рэймонд Чандлер

Прощай, красавица

Raymond Chandler

FAREWELL, MY LOVELY

Copyright © 1940 by Raymond Chandler

Copyright renewed 1967 by Mrs Helga Greene

This edition is published by arrangement with Ed Victor Ltd. and The Van Lear Agency LLC

All rights reserved

Серия «Азбука-классика»

© Д. Вознякевич, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

* * *

1

Началось все на Централ-авеню, в одном из смешанных кварталов, заселенных пока что не только неграми. Я вышел из крохотной парикмахерской на три кресла – там, как полагали в одном бюро по трудоустройству, мог временно работать некий Димитриос Алейдис. Дело было не бог весть каким. Супруга изъявила готовность слегка раскошелиться, дабы вернуть мужа домой.

Я так его и не нашел, а миссис Алейдис так мне ничего и не заплатила.

Кончался март, день был теплым, я стоял возле парикмахерской, созерцая броскую вывеску на втором этаже игорно-питейного заведения, именуемого «Флориан». Вывеска привлекла внимание еще одного человека. Он таращился на грязные окна кафе с восторженностью иммигранта из Восточной Европы, наконец узревшего статую Свободы. Это был довольно крупный мужчина – правда, не выше шести футов пяти дюймов и не шире пивной цистерны. Стоял он футах в десяти от меня. Руки его свисали вдоль туловища, между огромных пальцев дымилась забытая сигара.

Стройные невозмутимые негры, проходя мимо, бросали в его сторону торопливые взгляды. На этого детину стоило посмотреть. Он был в ворсистой фетровой шляпе, сером спортивном пиджаке, застегнутом на белые пуговицы величиной с теннисный мяч, коричневой рубашке с желтым галстуком, отглаженных в стрелку брюках из серой фланели и туфлях крокодиловой кожи с белым рисунком. Из нагрудного кармана свисал платок, такой же ярко-желтый, как и галстук. Шляпу украшала парочка разноцветных перьев, хотя без них можно было бы и обойтись. Даже на Централ-авеню, где люди одеты не скромнее всех в мире, он выглядел так же неприметно, как тарантул на ломтике белого воздушного пирога.

На его бледном лице проступала щетина. Видимо, он быстро обрастал. Волосы вились, густые брови почти сходились над широким носом. Уши для человека такого роста были маленькими, почти изящными, глаза блестели, словно увлажнившиеся, что в общем-то характерно для серых глаз. Постояв, будто статуя, он наконец улыбнулся, неторопливо подошел к дверям, ведущим к лестнице на второй этаж, одним толчком распахнул их, бросил холодный, ничего не выражающий взгляд в одну сторону, в другую и вошел внутрь. Будь он поменьше ростом и поскромнее одет, я бы принял его за грабителя. Но не идти же на дело в подобном наряде, да еще при таком телосложении.

Двери закачались на петлях. Не успели они замереть, как опять с силой распахнулись. Что-то перелетело через тротуар и приземлилось между стоящими машинами. Упав на руки и колени, оно издало пронзительный жалобный вопль, словно загнанная в угол крыса, с трудом поднялось, надело шляпу и шагнуло на тротуар. Это был худощавый, узкоплечий коричневый парень в лиловом костюме с гвоздикой в петлице. Темные волосы его были прилизаны. С минуту он скулил, не закрывая рта. Прохожие без особого интереса поглядывали на него. Потом он поправил шляпу, прошмыгнул к стене и молча зашагал прочь косолапой походкой.

Наступила тишина. Движение на улице возобновилось. Я подошел к дверям и остановился перед ними. Теперь они замерли. Все это совершенно меня не касалось. Поэтому я приоткрыл их и заглянул.

Из темноты вынырнула ручища, на которой я мог бы усесться, и вцепилась мне в плечо, превращая его в кашу. Потом втянула меня внутрь и небрежно поставила на ступеньку лестницы. Передо мной оказалось только что виденное лицо. Глубокий мягкий голос негромко произнес:

– Что здесь нужно черномазым? Растолкуй-ка мне, дружище.

Было темно. Тихо. Сверху чуть слышно доносились голоса, но на лестнице были мы одни. Гигант торжествующе смотрел на меня и продолжал уродовать мое плечо.

– Мне тут попался один негритос. Так я его вышвырнул. Видел, как он вылетел? Гигант выпустил меня. На перелом было не похоже, но рука онемела.

– Чего ж ты хочешь? – сказал я, потирая плечо. – Это негритянское кафе.

– Не болтай ерунды, приятель, – негромко, словно четверка тигров с набитым брюхом, промурлыкал гигант. – Здесь работала Вельма. Малышка Вельма.

И опять потянулся к моему плечу. Я хотел увернуться, но он оказался быстрым, как кошка. Железные пальцы снова принялись разжевывать мои мышцы.

– Угу, – сказал гигант. – Малышка Вельма. Целых восемь лет не виделся с ней. Говоришь, тут заведение для черномазых?

Я хрипло подтвердил.

Он втащил меня еще на две ступеньки. Я стал вырываться. Пистолета у меня не было. Оружие для поисков Димитриоса Алейдиса не требовалось. Да и вряд ли имело бы смысл хвататься за пистолет. Гигант, скорее всего, отнял бы его у меня и сожрал.

– Поднимись, посмотри сам, – сказал я, стараясь не выдавать голосом боли.

Гигант снова отпустил меня. Посмотрел с какой-то печалью в серых глазах.

– У меня хорошее настроение, – сказал он. – И я никому не позволю его портить. Пошли наверх, промочим глотку.

– Тебя не обслуживают. Это негритянское кафе.

– Я не видел Вельмы восемь лет, – сказал он глубоким, печальным голосом. – Восемь долгих лет прошло с тех пор, как я простился с ней. И шесть лет не получал от нее писем. Но это ей придется объяснить. Работала она здесь. Красавица. Ну что, идем наверх?

– Ладно! – выкрикнул я. – Пошли. Только не тащи меня. Дай идти самому. Я здоров. Я взрослый. Сам хожу в туалет и все такое прочее. Не тащи.

– Малышка Вельма работала здесь, – с нежностью произнес гигант. Меня он не слушал. Мы пошли наверх. Он позволил мне идти самому. Плечо у меня ныло. Затылок взмок.

2

Такие же двери, как внизу, отделяли верхнюю площадку лестницы от пространства за ними. Гигант небрежно распахнул их большим пальцем, и мы вошли в зал – длинное узкое помещение, не особенно чистое, не особенно светлое, не особенно веселое. В углу за игорным столом болтала и напевала группа негров. Справа у стены располагалась стойка. Остальная часть зала была занята маленькими круглыми столиками. За ними сидело несколько посетителей, мужчины и женщины, сплошь негры.

Пение у игорного стола внезапно оборвалось, свет над ними погас. Наступило молчание, тяжелое, как полузатопленная лодка. На нас уставились глаза, карие на лицах всевозможных оттенков, от серого до совершенно черного. Головы медленно поворачивались к нам, глаза сверкали в глухом, враждебном молчании людей иной расы.

У входа за стойкой сидел, привалясь к ней грудью, рослый, крепкий негр без пиджака, с розовыми нарукавными резинками и бело-розовыми подтяжками, скрещенными на широкой спине. Сразу было видно, что это вышибала. Он медленно опустил приподнятую ногу, неторопливо обернулся, провел по губам широким языком и воззрился на нас. Лицо его было обезображено, – казалось, по нему не лупили разве что ковшом экскаватора. Все в шрамах, шишках, вмятинах, швах. Этому лицу уже ничего не было страшно. Его уродовали всем, что только можно себе представить. Короткие курчавые негритянские волосы начинали седеть, одно ухо было без мочки.

Вышибала был грузным, плечистым. С крепкими, мощными ногами, слегка кривыми, что у негров бывает нечасто. Он еще раз облизнул губы, улыбнулся и направился в нашу сторону походкой человека, привыкшего давать волю кулакам. Гигант молча поджидал его.

Негр с розовыми нарукавными резинками уперся массивной коричневой пятерней гиганту в грудь. Пятерня походила на лопату. Гигант не шелохнулся. Вышибала одарил его любезной улыбкой:

– Белых не обслуживаем, браток. Только для цветных.

Гигант повел маленькими серыми печальными глазами, осматривая зал. Щеки его чуть порозовели.

– Негритянский шалман, – сердито буркнул он под нос. И, повысив голос, спросил вышибалу: – Где Вельма?

Вышибала не засмеялся в открытую. Вертя головой, он стал со всех сторон оглядывать гиганта, его коричневую рубашку и желтый галстук, грубый серый пиджак и белые пуговицы. Глянул на крокодиловые туфли и негромко хохотнул. Было похоже, что он потешается. Мне даже стало немного жаль его. Он снова негромко заговорил:

– Вельма, говоришь? Здесь тебе не будет никакой Вельмы, браток. Ни выпивки, ни девочек, ничего. Кроме отправки за дверь, белый, кроме отправки за дверь.

– Вельма работала здесь, – сказал гигант. Почти задумчиво, словно бродил в одиночку по лесу и собирал фиалки.

Я достал платок и снова вытер затылок.

Вышибала неожиданно расхохотался.

– Ну как же, – сказал он, бросив через плечо быстрый взгляд на публику. – Работала. Но больше не работает. Ушла на пенсию. Ха. Ха.

– Убери свою грязную лапу с моей рубашки, – сказал гигант.

Вышибала нахмурился. К подобному обращению он не привык. Убрав руку с рубашки, он сжал ее в кулак, напоминающий размером и цветом большой баклажан. Ему надо было думать о своей работе, репутации крутого парня, престиже. Думал он всего лишь секунду и

оплошал. Резко вскинув локоть, он нанес гиганту короткий сильный удар в челюсть. По залу пронесся негромкий вздох.

Удар был хорош. С выносом плеча, с разворотом корпуса. Этот человек знал толк в таких делах. Но голова гиганта подалась всего лишь на дюйм. Не пытаясь заблокировать удар, он принял его, слегка встряхнулся, негромко хмыкнул и схватил вышибалу за горло.

Вышибала попытался двинуть его коленом в пах. Гигант оторвал его от пола, повернул и чуть расставил ноги, скользя по затертому линолеуму своими шикарными туфлями. Перегнув негра назад, он ухватил его правой рукой за пояс. Пояс лопнул, как надрезанная веревка. Гигант приложил свою огромную ладонь к спине вышибалы, приподнял его и швырнул. Вертясь, дергаясь и размахивая руками, вышибала полетел через весь зал. Трое негров отскочили в сторону. Опрокинув столик, вышибала шмякнулся о плинтус с таким грохотом, что, пожалуй, было слышно в Денвере. Ноги его дернулись. Потом он замер.

– Кое-кто, – произнес гигант, – плохо представляет, когда можно наглеть. – И обернулся ко мне: – Ладно. Пошли, пропустим по стаканчику.

Мы направились к стойке. Посетители, превратясь в безмолвные тени, бесшумно пронеслись через зал и по одному, по двое, по трое выскальзывали из дверей. Беззвучно, словно тени на траве. Двери даже не успевали качнуться.

Мы сели за стойку.

– Виски-сауэр¹, – сказал гигант. – Говори, чего тебе.

– То же самое, – сказал я.

Дождаться нам не пришлось.

Гигант бесстрастно опрокинул в горло виски из толстого низкого стакана. И мрачно уставился на бармена – худощавого испуганного негра в белой куртке, ковылявшего так, словно у него болели ноги.

– Ну а ты знаешь, где Вельма?

– Вельма, говорите? – заскулил бармен. – В последнее время я ее тут не видел. Долго уже не видел, сэр.

– Давно ты здесь?

– Сейчас скажу.

Отложив полотенце, бармен наморщил лоб и стал загибать пальцы:

– Месяцев девять, пожалуй. Около года. Примерно...

– Шевели же мозгами, – сказал гигант.

Бармен захихикал, кадык его задергался, как обезглавленный цыпленок.

– И давно тут заведение для черномазых? – ворчливо спросил гигант.

– Что вы сказали?

Гигант сжал кулак, стакан почти скрылся в нем.

– Лет пять, не меньше, – сказал я. – Этот парень ничего не знает о белой женщине по имени Вельма. И никто здесь не знает.

Гигант посмотрел на меня так, словно я только что вылупился. Виски, похоже, не улучшил его настроения.

– А тебя кто просит соваться, черт возьми?

Я улыбнулся. Широко и дружелюбно.

– Мы же вместе пришли. Не помнишь?

Гигант ответил вялой, невразумительной белозубой усмешкой.

– Виски-сауэр, – приказал он бармену. – И пошевеливайся. Живей, живей.

Бармен засуетился, вращая белками глаз. Я повернулся спиной к стойке и оглядел зал. Теперь здесь не было никого, кроме бармена, гиганта и меня да еще вышибалы, треснувшегося

¹ Виски-сауэр – коктейль из виски с лимонным соком и сахарным сиропом.

о стену. Вышибала двигался еле-еле, словно с громадным трудом и болью. Тихо, как муха с оборванными крылышками, он полз за столиками вдоль плинтуса, внезапно постаревший, внезапно разуверившийся в себе. Я смотрел, как он ползет. Бармен поставил еще два виски-сауэр. Гигант бросил равнодушный взгляд на ползущего вышибалу и больше не обращал на него внимания.

– От прежнего заведения ничего не осталось, – пожаловался он. – Тут была небольшая эстрада, оркестр и уютные комнатки, куда ходили поразвлечься. Вельма пела. Рыженькая, красивая на загляденье. Мы собирались пожениться, только кто-то донес о том деле.

Я взял второй стакан. Мне это приключение уже стало надоедать.

– О каком деле?

– Где, по-твоему, я пропадал восемь лет?

– Ловил бабочек.

Гигант ткнул себя в грудь похожим на банан указательным пальцем:

– Отбывал срок. Мэллой моя фамилия. За силу меня прозвали Лось Мэллой. Я грабанул «Грейт Бенд банк». Сорок тысяч. Сам, в одиночку. Недурно, а?

– Теперь будешь их тратить?

Гигант бросил на меня колючий взгляд. Позади нас послышался какой-то шум. Вышибала уже поднялся на ноги и стоял, чуть пошатываясь. Он держался за ручку двери позади игорного стола. Потом открыл дверь и ввалился туда. Дверь захлопнулась. Щелкнул замок.

– Что там такое? – спросил Лось Мэллой.

Глаза бармена забегали и с трудом остановились на двери, за которой скрылся вышибала.

– Т-там контора, сэр. Кабинет мистера Монтгомери. Хозяина.

– Может, он знает, – сказал гигант и проглотил свой виски одним глотком. – Только наглеть ему не стоит. Двое уже пытались.

Он неторопливо пошел к двери легким шагом, не опасаясь ничего на свете. Заслонил своей огромной спиной весь проем. Дверь оказалась заперта. Лось дернул ручку, сбоку отлетел кусок филенки. Потом вошел и прикрыл за собой дверь.

Наступила тишина. Я смотрел на бармена. Бармен – на меня. Взгляд его стал задумчивым. Он протер стойку, вздохнул и опустил правую руку.

Я подскочил и перехватил ее. Рука была тонкой, хрупкой. Не выпуская руки, я улыбнулся ему:

– Что там у тебя, малыш?

Бармен навалился на мою руку, облизнул губы и ничего не ответил. Лоснящееся лицо его посерело.

– Это крутой человек, – сказал я. – И легко выходит из себя. Так на него действует выпивка. Он разыскивает женщину, которую знал раньше. Здесь было заведение для белых. Улавливаешь?

Бармен облизнул губы.

– Он долго пропадал, – сказал я. – Восемь лет. И похоже, не представляет, как это долго, хотя, мне думается, они показались ему вечностью. Улавливаешь?

– Я думал, вы с ним заодно, – протянул бармен.

– Пришлось составить ему компанию. Он задал мне внизу один вопрос, а потом потащил сюда. Я вижу его впервые. Но с такими лучше не ссориться. Что там у тебя?

– Обрез, – сказал бармен.

– Тсс. Это противозаконно, – прошептал я. – Слушай, будем действовать вместе. Есть еще что?

– Пистолет, – ответил бармен. – В сигарной коробке. Пусту руку.

– Отлично, – сказал я. – А теперь отойди в сторону. Спокойней. Хвататься за оружие повременим.

– Еще чего, – ощерился бармен, пытаясь вырваться. – Еще...

Он не договорил. Глаза его закатились. Голова дернулась.

Из-за двери позади игорного стола раздался гулкий отрывистый звук. Можно было подумать, что хлопнула дверь. Но я так не думал. Бармен тоже.

Он замер. Челюсть его отвисла. Я прислушался. Больше ни звука. Я торопливо бросился к входу за стойку. Прислушивался я слишком долго.

Дверь со стуком распахнулась, Лось Мэллой неторопливо, спокойно шагнул вперед и замер в уверенной позе, с широкой усмешкой на бледном лице.

Армейский кольт сорок пятого калибра в его ручище казался детской игрушкой.

– Без фокусов, – лениво предупредил он. – Руки на стойку.

Бармен и я положили руки на стойку.

Лось Мэллой окинул взглядом зал и молча направился к нам, усмешка его была напряженной, застывшей. Даже в своем наряде он походил на человека, способного ограбить банк в одиночку.

– Подними лапы, черномазый, – негромко сказал он, подойдя к стойке.

Бармен задрал руки. Гигант подошел ко мне и старательно ощупал меня левой рукой. Дыхание гиганта обжигало мне шею. Потом я перестал его ощущать.

– Мистер Монтгомери тоже не знал, где Вельма, – сказал гигант. – И хотел объясниться со мной – при помощи этой штуки.

Он похлопал по пистолету твердой ладонью. Я неторопливо обернулся и взглянул на него.

– Да, – сказал гигант. – Ты меня опознаешь. Ты меня не забудешь, приятель. Только скажи ищейкам, что главное – это осторожность.

И поиграл пистолетом.

– Ну пока, хлюпики. Я пошел на трамвай. – И направился к лестнице.

– Ты не расплатился за выпивку, – сказал я.

Гигант остановился и пристально поглядел на меня:

– Может, ты и прав, но лучше не настаивай.

Потом вышел, и было слышно, как он затопал вниз по лестнице.

Бармен нагнулся. Я бросился за стойку и оттолкнул его. Под стойкой на полке лежал прикрытый полотенцем дробовик с укороченным стволом. А рядом коробка из-под сигар, в ней оказался автоматический пистолет тридцать восьмого калибра. Я забрал и пистолет, и обрез. Бармен прижался спиной к посудной полке.

Выйдя из-за стойки, я направился к распахнутой двери за игорным столом. Там был едва освещенный коридор в форме буквы Г. На полу валялся без сознания вышибала с ножом в руке. Я нагнулся, взял нож из вялой руки и швырнул на черную лестницу. Дышал вышибала прерывисто.

Переступив через него, я открыл дверь с черной облупленной надписью «Контора».

У окна, наполовину заколоченного досками, стоял небольшой обшарпанный стол. За столом сидел человек, торс его был совершенно прямой. Спинка стула доходила до основания шеи, сложенной пополам, словно платок или дверная петля. Голова была запрокинута так, что нос указывал на заколоченное окно.

Правый ящик стола был выдвинут. В нем лежала газета со следами смазки. Пистолет, наверное, появился оттуда. Возможно, при зарождении эта идея казалась удачной, но положение головы мистера Монтгомери доказывало ее порочность.

На столе стоял телефон. Я положил обрез и, прежде чем звонить в полицию, пошел и запер дверь.

Так я чувствовал себя в большей безопасности, и мистер Монтгомери, похоже, ничего не имел против.

Когда парни из патрульной машины затопали по лестнице, вышибала и бармен куда-то скрылись, оставив заведение на меня.

3

Дело это поручили Налти, узколицему брюзге с длинными желтыми пальцами; говоря со мной, он почти все время держал их сплетенными на колене. Это был прикрепленный к 77-му участку лейтенант сыскной полиции, беседовали мы с ним в голой комнатухе, у стен друг против друга стояли два маленьких столика, разойтись вдвоем между ними не удалось бы. На полу был грязно-бурый линолеум, в воздухе стоял запах сигарных окурков. Рубашка Налти была заношена до дыр, обшлага пиджака он завернул вовнутрь. Судя по его затрапезному виду, он был честен, но вряд ли пригоден для розысков Лося Мэллоя.

Налти зажег недокуренную сигару, швырнул спичку на пол, где их валялась уже целая куча, и недовольно произнес:

– Черномазые. Опять убийство черномазого. Я прослужил восемнадцать лет в этом управлении, черт бы его побрал, и вот чем занимаюсь. Ни снимка тебе в газете, ни статейки, ни хотя бы четырех строк в разделе объявлений.

Я промолчал. Налти взял мою визитную карточку, повторно ознакомился с ней и бросил на стол.

– Филип Марло. Частный детектив. Из этой публики, значит. Черт, вид у тебя довольно внушительный. Что ты делал все это время?

– Какое?

– Пока Мэллой свертывал шею тому негритосу?

– Находился в другой комнате, – ответил я. – Мэллой не предупредил меня, что намерен сломать кому-то шею.

– Смейся надо мной, – с горечью произнес Налти. – Ну смейся же. Надо мной все потешаются. Одним больше – не все ли равно? Бедный старина Налти. Каждый старается отпустить по его адресу парочку острот. Вечная мишень для насмешек.

– Смеяться ни над кем не собираюсь, – сказал я. – Говорю вам правду – я был в другой комнате.

– Ясно, ясно, – сказал Налти, выпуская струю вонючего сигарного дыма. – Я же был там и все видел. Пушку не носишь?

– На такой работе – нет.

– Какой «такой»?

– Я разыскивал парикмахера, который сбежал от жены. Она надеялась, что я уговорю его вернуться.

– Парикмахер негр?

– Нет, грек.

– Ладно, – сказал Налти и сплюнул в мусорную корзину. – Как вы встретились с этим Мэллоем?

– Я уже говорил. Оказался там я случайно. Он вышвырнул негра из дверей кафе, а я сдуру сунулся поглазеть, что происходит. И он втащил меня наверх.

– Подталкивал пистолетом в спину?

– Нет, оружия у него тогда не было. Во всяком случае, он его не вынимал. Этот пистолет, видимо, Лось отнял у Монтгомери. А наверх он меня просто внес. Иной раз я не прочь дать отдых ногам.

– Что-то не верится, – заявил Налти. – Так уж это легко – внести тебя наверх.

– К чему спорить? – сказал я. – Этого человека я видел, а вы – нет. Меня или вас он мог бы носить на часовой цепочке вместо брелока. Пока он не ушел, я и не знал, что там кто-то убит. Выстрел я слышал, но решил, что негр выстрелил с перепугу, а Мэллой отнял у него пистолет.

– А почему ты так решил? – спросил Налти почти учтиво. – Грабил банк он с пистолетом, не так ли?

– По одежде. Если б Мэллой собирался кого-то убить, то не стал бы так наряжаться. Он искал свою бывшую подружку по имени Вельма. Она работала во «Флориане», или как там называлось это заведение, пока не перешло к неграм. Там-то он и был арестован. Вы найдете его.

– Еще бы, – сказал Налти. – Такого детину, да еще так разодетого. Запросто.

– У него, наверное, есть другой костюм, – сказал я. – И машина, и укрытие, и деньги, и дружки. Но вы его найдете.

Налти опять сплюнул в мусорную корзину.

– Найду, – сказал он, – к тому времени, когда в третий раз вставлю себе зубы. Сколько человек заняты этим делом? Один. И знаешь почему? О таких делах в газетах – ни строчки. Как-то на Восемьдесят четвертой Восточной пятеро черных устроили поножовщину. Один был уже холодным. Вся мебель, стены и даже потолок в кровище. Я отправился туда, вижу – парень из «Кроникл», репортер, сходит с крыльца и садится в машину. Скривил рожу, говорит: «Негритосы, ну их к черту», плюхнулся на сиденье и укатил. В дом даже и не вошел.

– Может, Лось нарушил правила условного освобождения, – сказал я. – В таком случае вам дадут кого-то в помощь. Только берите его осторожно, а то он разделается и с двумя нарядами полиции. Уж тогда о вас напишут в газетах.

– И отстранят от этого дела, – фыркнул Налти.

На его столе зазвонил телефон. Потом он что-то записал в блокнот, и в его глазах появился легкий блеск, напоминающий отдаленный свет в пыльном коридоре.

– Ага, Мэллой у них значится. Звонили из архива. Имеются его пальчики, фото и прочее. Уже кое-что.

Он уставился в блокнот:

– Черт возьми, ну и экземпляр! Рост шесть футов пять с половиной дюймов, вес без галстука двести шестьдесят пять фунтов. Вот это парнище! Ну черт с ним. О его розыске объявят по радио. Видимо, после перечня угнанных автомобилей. И придется ждать, делать нечего.

Сигара его полетела в плевательницу.

– Попробуйте найти эту Вельму, – посоветовал я. – Мэллой будет ее искать. Ведь с этого все и началось. Займитесь Вельмой.

– Займись сам, – сказал Налти. – Я уже лет двадцать не бывал в публичных домах.

Я поднялся, сказал: «Идет» – и направился к выходу.

– Эй, погоди, – сказал Налти. – Я пошутил. Ты ж очень занят, так ведь?

Я остановился у двери, повертел сигарету в пальцах и взглянул на него.

– Значит, у тебя найдется время поискать эту дамочку. Мысль неплохая. Может, и раскопаешь чего-нибудь. Работай в открытую, делов-то.

– С какой стати мне ее искать?

Налти с грустным видом развел своими желтыми руками. Улыбка его была хитрой, как сломанная мышеловка.

– У тебя возникали осложнения с нашими ребятами. Не отрицай. Я слышал. Впредь тебе не помешает иметь друга.

– И что мне это даст?

– Послушай, – настойчиво сказал Налти. – Я просто тихий человек. Но в этой конторе любой человек может сделать для тебя много полезного.

– Поработать из дружеских чувств – или вы что-то платите деньгами?

– Никаких денег, – сказал Налти и сморщил свой желтый унылый нос. – Но мне нужна небольшая помощь. С последней перетряски дела идут очень плохо. Я этого не забуду, друг. Никогда.

Я взглянул на часы:

– Ладно, если что надумаю, то сообщу вам. А когда придет фотография, опознаю ее. После того, как вы угостите меня обедом.

Мы обменялись рукопожатием, я прошел по грязному коридору и спустился по ступеням к своей машине.

С тех пор как Лось Мэллой покинул «Флориан» с армейским кольтом в руке, прошло два часа. Я пообедал в аптеке-закусочной, купил пинту бурбона, поехал на восток к Централ-авеню, а там свернул на север. Догадки мои были зыбкими, как марево над тротуаром.

Взялся я за это дело лишь из любопытства. Но честно говоря, у меня вот уже месяц не было никакой работы. Даже бесплатная работа – хоть какое-то разнообразие.

4

Кафе «Флориан», разумеется, было закрыто. Перед ним сидел в машине явный шпик и вполглаза читал газету. Я не мог понять, зачем это нужно. Лося Мэллоя там никто не знал. Вышибалу и бармена не нашли. Жители квартала утверждали, что знать их не знают.

Я медленно проехал мимо, остановил машину за углом, и перед моим взором оказался негритянский отель, стоящий наискось от «Флориана» на другой стороне улицы. Назывался он «Сан-Суси». Я вылез из машины, пересек улицу и вошел туда. Ковровая дорожка, по сторонам ее – два ряда пустых жестких стульев. В тусклой глубине виднелась конторка, за ней, прикрыв глаза и сложив перед собой пухлые коричневые руки, сидел лысый мужчина. Он дремал или притворялся дремлющим. На нем был галстук с широким концом, завязанный, по всей видимости, где-то в конце прошлого века. Булавку украшал зеленый камень чуть поменьше яблока. Большой отвислый подбородок спадал на галстук мягкими складками, холеные руки были спокойно сложены, на красном маникюре проступали сероватые полумесяцы.

Штампованная металлическая табличка у его локтя гласила: «Отель находится под охраной Международного объединения агентств».

Когда спокойный коричневый человек вопросительно глянул на меня одним глазом, я указал на табличку:

– Из ООО, с проверкой. Есть какие-нибудь неприятности?

ООО – это отдел охраны отелей, занимается он теми, кто подделывает чеки и удирает по черным лестницам, оставляя неоплаченные счета и набитые кирпичами чемоданы.

– Неприятности, братец, – ответил портье высоким, звучным голосом, – у нас только-только прекратились. – И, понизив голос на пять или шесть тонов, спросил: – Как, вы сказали, ваше имя?

– Марло. Филип Марло.

– Хорошее имя, братец. Ясное и веселое. Выглядите вы сегодня недурно. – Он снова понизил голос: – Только вы не из ООО. Я не видел никого оттуда уже много лет. – И, разведя руками, лениво указал на табличку: – Куплена с рук, братец. Просто для виду.

– Ладно, – сказал я, облокотился на стойку и стал вертеть полудолларовую монету на голой испарпанной поверхности. – Слышал, что произошло во «Флориане» сегодня утром?

– Не помню, братец, может, и слышал. – Но теперь он открыл оба глаза и неотрывно смотрел на блики вертящейся монеты.

– Прикончили хозяина, – сказал я. – Некогого Монтгомери. Сломали шею.

– Да упокоит Господь его душу, братец. – Голос понизился снова. – Вы полицейский?

– Частный сыщик по секретному делу. И я сразу же вижу, может ли человек хранить секреты.

Портье изучающе посмотрел на меня, потом опять прикрыл глаза и задумался. Снова неторопливо открыл их и уставился на вертящуюся монету. Оторвать взгляд от нее было выше его сил.

– Кто же это? – негромко спросил он. – Кто прикончил Сэма?

– Один бандит, только что из тюрьмы. Он разозлился, что кафе не для белых, как, видимо, было раньше. Может, ты помнишь?

Портье не ответил. Монета с легким звоном упала, подскочила и замерла.

– В долгу не останусь, – сказал я. – Могу прочесть тебе главу из Библии или поднести стаканчик. На выбор.

– Библию, братец, я читаю в кругу семьи. – Взгляд его был ясным, льстивым, неотрывным.

– Может, ты недавно пообедал, – сказал я.

– Обед, – сказал портье, – такая штука, без которой человек моей комплекции и характера старается обходиться. – Голос понизился. – Зайдите сюда.

Я зашел за стол, достал из кармана плоскую бутылку бурбона и поставил на полку. Затем вернулся на прежнее место. Портье нагнулся и стал пристально ее разглядывать. Вид у него был довольный.

– Братец, этим вы ничего не добьетесь, – сказал он. – Но я буду рад пропустить глоток за компанию с вами.

Открыв бутылку, портье поставил на стол два стаканчика и осторожно наполнил их до краев. Поднял один, старательно понюхал и, оттопырив мизинец, опрокинул в рот.

Распробовав виски, он подумал, кивнул и сказал:

– Эта штука из нужной бутылки, братец. Чем могу быть полезен? В этой округе нет ни единой трещинки на тротуаре, которой бы я не знал. Да, сэр, у хорошего человека и виски хороший.

И снова наполнил свой стаканчик.

– У Сэма приличное, тихое заведение, – сказал он. – Там за целый месяц никого не пырнули ножом.

– Как оно называлось лет шесть-восемь назад, когда было заведением для белых?

– Световые надписи стали дорого стоить, братец.

Я кивнул:

– Так и думал, что название осталось прежним. Если б оно изменилось, Мэллой, наверное, сказал бы об этом. А кто был владельцем кафе?

– Удивляете вы меня, братец. Этого несчастного грешника звали Флориан. Майк Флориан.

– И что же случилось с Майком Флорианом?

Негр учтиво развел своими коричневыми руками. Голос его был печальным и звучным.

– Умер он, братец. Господь прибрал его. Лет пять или шесть назад. Точно не помню. Беспорядочная жизнь, братец, и, как я слышал, испорченные пьянством почки. Нечестивый человек умирает как безрогий бык, братец, однако на небесах его ожидает милосердие. – И добавил обычным голосом: – Будь я проклят, если знаю почему.

– У него остался кто-нибудь из родных? Налей себе еще.

Портье заткнул бутылку пробкой и отодвинул.

– Двух мне хватит, братец, – до вечера. Спасибо. Ваша манера разговаривать льстит достоинству человека... Осталась вдова. По имени Джесси.

– Что случилось с ней?

– Искать знания – значит много спрашивать. Про вдову я не слышал. Загляните в телефонный справочник.

В темном углу вестибюля стояла переговорная кабина. Я вошел в нее и прикрыл дверь, чтобы зажечь свет. Заглянул в потрепанную книгу, прикрепленную цепочкой к полке. Фамилии Флориан там не оказалось. Я вернулся к столу:

– Не нашел.

Негр с сожалением наклонился, выложил на стол адресный справочник, придвинул ко мне и сомкнул глаза. Ему стало скучно. В адресной книге значилась Джесси Флориан. Жила она на Пятьдесят четвертой Западной улице, дом 1644. Мне стало любопытно, чем же я пользовался всю жизнь вместо мозгов.

Записав адрес на клочке бумаги, я отодвинул книгу. Негр вернул ее туда, откуда извлек, пожал мне на прощание руку, потом сложил руки на столе таким же образом, как до моего прихода. Глаза его медленно закрылись, и он, казалось, уснул.

Этот эпизод для него закончился. Подходя к двери, я обернулся. Глаза негра были закрыты, дышал он мягко и ровно, чуть прищмокивая губами. Лысина его поблескивала.

Я вышел из отеля «Сан-Суси» и направился к своей машине. Все это казалось слишком простым. Чересчур уж простым.

5

Дом номер 1644 на Пятьдесят четвертой Западной улице оказался разошедшейся коричневой развалюхой, перед ним был иссохший коричневый газон. Ствол крепкой с виду пальмы украшало большое голое пятно. На веранде одиноко стояла деревянная качалка, ветерок постукивал прошлогодними несрезанными побегами пуансеттии² о потрескавшуюся штукатурку стены. В боковом дворике раскачивалось на ржавой проволоке желтоватое белье.

Я проехал еще четверть квартала, поставил машину на другой стороне улицы и подошел к дому пешком.

Звонок не работал, и я постучал по раме застекленной двери. Послышалось неторопливое шарканье, дверь из дома на веранду отворилась, и передо мной в полумраке предстала неряшливая женщина с серым одутловатым лицом. Выйдя из двери, она высморкалась. Ее длинные редкие волосы были слишком безжизненными, чтобы выглядеть каштановыми, и не настолько чистыми, чтобы выглядеть седыми. На ней был накинут халат неопределенного цвета и покроя – тряпка, прикрывающая наготу. Большие голые ноги были обуты в старые мужские шлепанцы из коричневой кожи.

– Миссис Флориан? – спросил я. – Миссис Джесси Флориан?

– Угу. – Голос выбирался из горла, словно больной из постели.

– Вдова бывшего владельца кафе на Сентрал-авеню? Майка Флориана?

Женщина отбросила большим пальцем за ухо длинную прядь волос. В глазах ее вспыхнуло изумление. Еле ворочая языком, она спросила:

– Ч-что? О господи! Майк вот уж пять лет как умер. Кто вы?

Застекленная дверь оставалась по-прежнему запертой на крючок.

– Детектив, – ответил я. – Мне нужны кой-какие сведения.

Женщина глядела на меня долгую, томительную минуту. Потом отперла.

– Входите, раз так. Убраться я не успела, – проворчала она. – Из полиции, значит?

Я вошел и запер за собой дверь на крючок. В левом углу комнаты гудел большой красивый приемник. Единственная приличная вещь в доме. С виду совершенно новая. Все остальное было старьем: грязная мягкая мебель, деревянная качалка под пару той, что стояла на веранде; сквозь проем, ведущий в столовую, виднелся немытый стол; дверь на кухню была залапана грязными руками. Некогда яркие абажуры двух старых светильников теперь выглядели не ярче старых проституток.

Женщина уселась в качалку, сбросила с ног шлепанцы и уставилась на меня. Я сел на край кушетки и взглянул на приемник. Она это заметила. Напускная, жидкая, как китайский чаек, сердечность появилась в ее голосе и на лице.

– Единственное общество, какое у меня есть, – сказала женщина. Потом хихикнула. – Майк ничего больше не натворил? Полиция заглядывает ко мне не так уж часто.

В ее смехе слышалась пьяная нотка. Я откинулся назад, коснулся спиной чего-то твердого, сунул туда руку и вытащил пустую бутылку из-под джина. Женщина хихикнула снова.

– Я пошутила. Однако надеюсь, что там, где он теперь, полно дешевых блондинок. Здесь ему их вечно не хватало.

– Меня больше интересует рыжая, – сказал я.

– Были, наверное, и рыжие. – Мне показалось, что взгляд ее стал не таким уж рассеянным. – Я уж не помню. Какая-то определенная рыжая?

– Да, – сказал я. – По имени Вельма. Не знаю, какую фамилию она носила, но только не настоящую. Я разыскиваю ее по поручению родных. Ваше кафе на Сентрал стало теперь негри-

² Декоративный кустарник семейства молочайных.

тянским, хотя название не изменилось, и там, само собой, никто не слышал о ней. Поэтому я решил обратиться к вам.

– Что-то родственнички не очень спешили разыскать ее, – задумчиво произнесла женщина.

– Дело связано с деньгами. Правда, не бог весть какими. Насколько я понимаю, без Вельмы их не получить. Деньги обостряют память.

– И выпивка тоже, – сказала женщина. – Жарковато сегодня, а? Хотя что это я, вы же из полиции.

Хитрые глазки, настороженное лицо. Поза, говорящая о нежелании двинуться с места.

Я взял пустую бутылку и встряхнул. Потом отставил ее и полез в карман за бурбоном, который мы с негром в отеле едва пригубили. Поставил бутылку на колено. Женщина изумленно уставилась на нее. Потом подозрительность вскарабкалась на ее лицо, словно котенок, но не так игриво.

– Вы не из полиции, – сказала женщина. – Никакой фараон не купит такой выпивки. Как это понимать, мистер?

Она снова высморкалась в самый грязный платок, какой мне доводилось видеть. Взгляд ее был прикован к бутылке. Подозрительность боролась с жаждой, и жажда, как всегда, брала верх.

– Эта Вельма выступала в кафе, была певичкой. Вы что, не знали ее? Наверное, выбирались туда не так уж часто.

Глаза цвета морских водорослей неотрывно смотрели на бутылку. Обложенный язык выглядывал изо рта.

– Да, – вздохнула женщина, – вот это выпивка. Мне все равно, кто бы вы ни были. Только держите бутылку крепче, мистер. Не уронить бы.

Она поднялась, вразвалку вышла из комнаты и вернулась с двумя массивными грязными стаканами.

– Разбавлять нечем. Будем пить чистое.

Я налил ей дозу, от которой сам полез бы на стену. Женщина жадно потянулась к стакану, проглотила виски, словно таблетку аспирина, и поглядела на бутылку. Я налил ей еще, потом себе, поменьше. Женщина взяла стакан и опять села в качалку. Глаза ее оживились.

– Приятель, эта штука безболезненно умирает во мне. Ей и невдомек, что с ней случилось. Так о чем мы говорили?

– О рыжей по имени Вельма, которая работала у вас на Сентрал-авеню.

– Угу. – Она снова опорожнила стакан. Я подошел и поставил бутылку возле нее. – Угу. Так кто же вы такой?

Я достал свою визитную карточку и протянул ей. Шевеля языком и губами, женщина прочла, что там написано, бросила ее на стол и поставила сверху пустой стакан.

– А, частный сыщик. Вы не сказали об этом. – Она с шутливым упреком погрозила мне пальцем. – Однако ваш виски говорит, что вы к тому же замечательный парень. Ну, за проступность. – Она налила себе третью порцию и выпила.

Я сел, достал сигарету и, вертя ее в пальцах, ждал. Эта женщина либо что-то знала, либо нет. Если знала, то могла сказать, могла и скрыть. Ничего не напишешь.

– Шустрая рыженькая красотка, – произнесла женщина неторопливо и глухо. – Да, помню ее. Пела и танцевала. Шикарные ножки, она любила их показывать. Потом куда-то исчезла. Откуда мне знать, где теперь вся эта шушера?

– Честно говоря, я не особенно рассчитывал, что вы это знаете, – ответил я. – Но приехать и справиться у вас, миссис Флориан, было все-таки нужно. Подливайте себе, я смоюсь еще за одной, если потребуется.

– А сами не пьете, – внезапно сказала она.

Я взял свой стакан и медленно, чтобы ей показалось, будто там больше, чем на самом деле, осушил его.

– Где живет ее родня? – неожиданно спросила женщина.

– Не все ли равно?

– Ладно, – усмехнулась она. – Фараоны все одинаковы. Ладно, красавчик. Раз парень угощает меня выпивкой – значит свой в доску. – Она потянулась к бутылке и налила себе четвертую порцию. – Разводить с вами треп вроде бы и не стоило. Но когда человек мне нравится, я к нему всей душой.

И осклабилась. Она была миловидна, как корыто.

– Я кое-что вспомнила. Только не следите за мной, сидите на месте.

Она поднялась, чихнула так, что разлетелись полы халата, запахнулась и холодно поглядела на меня:

– Не подглядывайте, – и вышла из комнаты, задев плечом о косяк.

Прозвучали нетвердые шаги, удаляясь вглубь дома.

Стебли пуансеттии вяло постукивали о переднюю стену. В боковом дворике поскрипывала бельевая проволока. Названивая, проехал на велосипеде разносчик мороженого. Большой новый красивый приемник в углу шептал о танцах и любви трепетным, прерывистым голосом исполнительницы сентиментальных песенок.

В глубине дома вдруг раздался грохот. Похоже было, что опрокинулся стул и рухнул на пол слишком далеко выдвинутый ящик стола; послышались шорох, шарканье ног и невнятное бормотание. Потом я услышал, как неторопливо щелкнул замок и заскрипела, поднимаясь, крышка сундука. Снова шорох, потом стук ящика о пол. Я поднялся с кушетки, прокрался в столовую, а оттуда в небольшой коридор и заглянул в открытую дверь.

Женщина, пошатываясь, рылась в открытом сундуке и раздраженно отбрасывала со лба волосы. Более пьяная, чем ей казалось, она вдруг потеряла равновесие, ударясь при этом о сундук, закашлялась и засопела. Потом, встав на толстые колени, запустила в сундук обе руки.

Появились они оттуда, неуверенно сжимая что-то. Толстый пакет, стянутый полинявшей розовой лентой. Женщина медленно, неуклюже развязала ленту, вынула из пакета конверт, спрятала в левый угол сундука и снова завязала ленту непослушными пальцами.

Я бесшумно прошмыгнул назад и сел на кушетку. Хрипло дышавшая женщина вернулась и, пошатываясь, встала с пакетом в руке в дверях.

Она торжествующе усмехнулась и бросила пакет к моим ногам. Потом вразвалку подошла к качалке, села и потянулась за бутылкой.

Я поднял пакет и развязал ленту.

– Смотрите, – буркнула женщина. – Там фотографии тех, кто выступал в том кафе. Снимки для газет. Эта шушера попадает в газеты не только из полицейских протоколов. Вот и все, что мне осталось от муженька, – фотографии да его старое барахло.

Я просмотрел пачку глянцевого фотографий. Позирующие мужчины и женщины. Мужчины с острыми лисьими физиономиями, в жокейских костюмах или эксцентричных клоунских нарядах. Чечеточники и комики из второразрядных зланных мест. Большинству из них вряд ли доводилось выступать перед приличной публикой. Их можно было видеть по захламленным городкам в варьете, держащихся в рамках приличия, или в дешевых, непристойных, насколько это позволялось законом, бурлесках, порой они переступали эту грань, тогда их номера заканчивались арестом и скандалом в полицейском суде, после чего они снова появлялись в своих программах, ухмыляющиеся, по-свински грязные, пропахшие застарелым потом. У женщин были стройные ноги, они демонстрировали их откровеннее, чем это понравилось бы Уильяму Хейсу³. Лица их были примелькавшимися, как кошка в бухгалтерии. Блондинки, брю-

³ Уильям Хейс (1879–1954) – председатель цензурного комитета в Голливуде в 1930-е годы. Его именем был назван эти-

нетки, большие коровьи глаза с деревенской тупостью, маленькие острые глазки с неприкрытой алчностью. Кое у кого откровенно порочные лица. Кое у кого волосы могли быть рыжими, определить это по фотографиям невозможно. Я просмотрел их безо всякого интереса, сунул в пакет и опять перевязал лентой.

– Я не знаю тут никого. Зачем вы мне их показали?

Женщина, держа в нетвердой руке бутылку, с подозрением уставилась на меня:

– Вы же ищете Вельму?

– Среди них есть и она?

Тупая хитрость поиграла на ее лице, не нашла там ничего хорошего и куда-то исчезла.

– Вы не взяли у родственников фото?

– Нет.

Это насторожило ее. У каждой женщины есть фотографии, пусть хотя бы в коротком платье и с бантиком в волосах.

– Что-то вы снова разонравились мне, – спокойно сказала она.

Я поднялся, держа в руке стакан, подошел и поставил его на край стола рядом с ее стаканом.

– Налейте и мне, пока вы не прикончили бутылку!

Женщина потянулась к стакану, а я повернулся и быстро прошел через квадратный проем в столовую, в коридор, в захламленную спальню с открытым сундуком и валявшимся на полу ящичком. Позади раздался крик. Я сунул руку в левый угол сундука, нащупал конверт и торопливо вынул его.

Когда я вернулся в гостиную, женщина уже поднялась из качалки, но успела сделать только два или три шага. В глазах у нее был странный блеск. Убийственный блеск.

– Сядьте, – с нарочитой угрозой произнес я. – Вы имеете дело не с простодушным растяпой вроде Лося Мэллоя.

Это был выстрел почти наугад, и цели он не достиг. Женщина два раза мигнула и попыталась подпереть нос верхней губой. Показалось несколько грязных, похожих на заячьи зубов.

– Лося? При чем тут Лось? – удивленно спросила она.

– Его выпустили из тюрьмы, – сказал я. – Он разгуливает с пистолетом сорок пятого калибра. Утром Лось убил на Централ-авеню негра, потому что тот не мог сказать ему, где Вельма. А теперь ищет стукача, заложившего его восемь лет назад.

Лицо женщины залила бледность. Она поднесла ко рту горлышко бутылки и забулькала. По подбородку потекла струйка виски.

– А фараоны ищут его, – сказала она и засмеялась. – Фараоны! Вот так!

Милая старушка. Мне нравилось сидеть с ней. Нравилось подпаивать ее для своих грязных целей. Я был отличным парнем. Я нравился сам себе. В моей работе можно столкнуться почти с чем угодно, но тут меня начинало поташнивать.

Я открыл конверт, который держал в руке, и достал глянцевую фотографию. Эта девица чем-то походила на остальных, но была не такой, гораздо симпатичнее. Выше талии на ней был костюм Пьеро. Взбитые волосы под конической белой шляпкой с черным помпоном были темного оттенка, значит могли оказаться и рыжими. Лицо было снято в профиль, единственный видимый глаз глядел игриво. Я бы не назвал это лицо очаровательным и неиспорченным, я не настолько разбираюсь в лицах, но смазливое оно было. К его обладательнице люди относились любезно, по крайней мере вполне любезно для того круга. И все-таки это было весьма заурядное лицо, смазливость его была стандартной. В любом квартале города такие лица встречаются десятками.

Ниже талии были главным образом ноги, притом весьма изящные. В нижнем правом углу снимка – подпись: «Навеки твоя – Вельма Валенто».

Я показал издали женщине фотографию. Женщина рванулась к ней, но не смогла дотянуться.

– Зачем было прятать ее? – спросил я.

Ответом было лишь тяжелое дыхание. Я сунул фотографию в конверт, а конверт в карман.

– Зачем было прятать ее? – снова спросил я. – Чем она отличается от остальных фотографий? Где эта девица?

– Умерла, – сказала женщина. – Хорошая была малышка, но умерла. Пошел отсюда, фараон.

Кустистые рыжеватые брови женщины зашевелились. Рука ее разжалась, бутылка упала на ковер и забулькала. Я нагнулся за ней. Женщина попыталась пнуть меня в лицо, но я увернулся.

– И все же это не объясняет, зачем вы ее прятали, – сказал я. – Когда она умерла? От чего?

– Я бедная больная старуха, – пробурчала женщина. – Отстань от меня, сукин сын.

Я стоял и глядел на нее, ничего не говоря, не зная, что сказать. Потом шагнул к ней и поставил плоскую, уже почти пустую бутылку на стол.

Женщина сидела, свесив голову. Приемник весело гудел в углу. По улице проехала машина. На окне зажужжала муха. После долгого молчания женщина зашевелила губами и, обращаясь к полу, извергла поток бессмысленных слов, из которых ничего не проявилось. Потом засмеялась, откинула назад голову и распустила слюни. Потом ее правая рука потянулась к бутылке. Постукивая зубами о горлышко, женщина допила то, что в ней оставалось. Приподняла опустевшую бутылку, встряхнула и бросила в меня. Проскользив по ковра, бутылка улетела куда-то в угол и стукнулась о плинтус.

Женщина снова покосилась на меня, потом глаза ее закрылись, и она захрапела.

Возможно, она притворялась, но мне было все равно. Внезапно эта сцена опротивела мне до омерзения.

Я взял с кушетки шляпу, подошел к двери, отворил ее и шагнул на крыльцо. Приемник в углу продолжал гудеть, женщина негромко похрапывала в качалке. Я бросил на нее торопливый взгляд, потом прикрыл дверь, снова бесшумно отворил и опять взглянул на женщину.

Глаза ее были по-прежнему закрыты, но под веками что-то блеснуло.

Я спустился с крыльца и по растрескавшейся дорожке вышел на улицу.

В окне соседнего дома была поднята штора, узкое лицо жадно прижималось к стеклу, лицо старухи с седыми волосами и острым носом.

Любознательная старушка подглядывала за соседями. В каждом квартале есть хоть одна такая. Я помахал ей рукой. Штора опустилась.

Я сел в машину, подъехал к 77-му участку и поднялся на второй этаж в затхлый уютный кабинет лейтенанта Налти.

6

Налти после моего ухода, казалось, так и не шевельнулся. Он сидел на своем стуле в той же самой позе угрюмой терпеливости. Но в пепельнице прибавилось два сигарных окурка, а на полу стало больше горелых спичек.

Я сел за свободный столик. Налти взял фотографию, лежащую на его столе вниз изображением, и протянул мне. Это был полицейский снимок анфас и в профиль, с отпечатками пальцев внизу. Мэллой, снятый при сильном свете, казался совершенно безбровым.

– Он самый. – Я вернул фотографию.

– Мы связались с Орегонской тюрьмой, – сказал Налти. – Отбыл срок он почти полностью, ему немного скостили за хорошее поведение. Дела, похоже, идут на лад. Мы загнали его в угол. Ребята с патрульной машины порасспросили кондуктора в конце трамвайной линии на Седьмой стрит. Кондуктор упомянул об одном здоровяке, – видимо, это он самый. Сошел он на углу Третьей и Александрия-стрит. Теперь заберется в какой-нибудь старый дом, откуда съехали жильцы. Таких там много, от центра они теперь далеко, и жилье стоит дорого. Заберется, и мы его накроем. А ты чем занимался?

– Тот здоровяк был в шляпе с перьями и с теннисными мячами вместо пуговиц?

Налти нахмурился и сцепил пальцы на колене:

– Нет, в синем костюме. А может, в коричневом.

– Уверены, что не в саронге?

– Что? Ах да, шутка. Напомни в выходной, я посмеюсь.

– Это не Лось, – сказал я. – Он не стал бы ездить на трамвае. Деньги у него есть. Вспомните, как он был разряжен. И одежда явно шита на заказ, стандартные размеры ему не годятся.

– Ладно, смейтесь надо мной, – пробурчал Налти. – Чем ты занимался?

– Тем, чем следовало заняться вам. Кафе, именуемое «Флориан», так и называлось, когда было ночным заведением для белых. Я говорил с портье негритянского отеля, который знает этот район. Электрические вывески стоят дорого, поэтому негры, став там хозяевами, оставили старую. Прежнего владельца звали Майк Флориан. Он умер несколько лет назад, но вдова его жива. Проживает на Пятьдесят четвертой Западной, дом шестнадцать сорок четыре. Зовут ее Джесси Флориан. В телефонной книге она не значится, но есть в адресном справочнике.

– Ну и что мне – пойти к ней в гости? – спросил Налти.

– Я сходил вместо вас. Прихватив пинту бурбона. Миссис Флориан – очаровательная пожилая дама с лицом, напоминающим помойное ведро, и, если она мыла голову с тех пор, как переизбрали Кулиджа⁴, я готов съесть свое запасное колесо, шину и прочее.

– Кончай свои шуточки, – сказал Налти.

– Я спросил у миссис Флориан о Вельме. Помните, мистер Налти, Лось Мэллой искал рыжую по имени Вельма? Я еще не утомил вас, мистер Налти?

– Чего ты злишься?

– Вам этого не понять. Миссис Флориан сказала, что не помнит Вельму. Домишко у нее очень ветхий. Новый в нем только приемник ценой долларов семьдесят-восемьдесят.

– К чему ты это все говоришь?

– Миссис Флориан – для меня просто Джесси – сказала, что покойный муж не оставил ей ничего, кроме своего барахла и фотографий, на которых запечатлены артисты оригинального жанра, время от времени выступавшие у них в заведении. Я угостил ее выпивкой, а она из тех девушек, что готовы сбить человека с ног, лишь бы дорваться до бутылки. После третьей или четвертой стопки она пошла в свою скромную спальню, все там расшвыряла и выудила со дна

⁴ Кулидж, Джон Калвин (1872–1933) – тридцатый президент США (1923–1929).

старого сундука связку фотографий. Но я подглядывал за ней, а она, не подозревая об этом, припрятала один снимок. Чуть погодя я прошмыгнул в спальню и забрал его.

Я полез в карман и выложил перед ним девицу в костюме Пьеро. Налти взял фотографию, поглядел, уголки губ у него дрогнули.

– Ничего, – сказал он. – Вполне. В прежнее время я бы от нее не отказался. Ха-ха! Вельма Валенто, а? Ну и что с этой куколкой?

– По словам миссис Флориан, умерла, но тогда непонятно, зачем было прятать снимок.

– Непонятно. Так зачем же?

– Миссис Флориан не поделилась со мной этой тайной. Под конец, когда я сообщил ей, что Лось на свободе, она, похоже, прониклась ко мне неприязнью. Кажется невероятным, правда?

– Давай дальше, – сказал Налти.

– Это все. Я изложил вам факты и представил вещественную улику. Если вы не знаете, что с ними делать, то я могу говорить хоть до завтра и все без толку.

– А что с ними делать? Тут ведь убийство негра. Сперва нужно Лося взять. Черт, он не виделся с этой девицей восемь лет, если только она не навещала его в тюрьме.

– Ладно, – сказал я. – Только не забывайте, что Лось ищет ее и что не остановится ни перед чем. Между прочим, сидел он за ограбление банка. Значит, тому, кто на него стукнул, полагалось вознаграждение. Кто его получил?

– Не знаю, – сказал Налти. – Может, удастся выяснить. А что?

– Лося кто-то выдал. Возможно, он знает кто. Не исключено, что будет искать и этого человека. – Я поднялся. – Ну, до свидания и желаю удачи.

– Оставляешь меня одного?

Я подошел к двери:

– Мне нужно домой, принять ванну, прополоскать горло и сделать маникюр.

– Ты не болен, а?

– Просто грязный, – сказал я. – Очень, очень грязный.

– Ну так чего спешить? Посиди минутку.

Налти откинулся на спинку стула и сунул большие пальцы в проймы жилета, отчего стал не более привлекательным, но более похожим на полицейского.

– Спешить незачем, – сказал я. – Совершенно незачем. Но я ничего больше не могу поделать. Вельма умерла, если миссис Флориан говорит правду, – а я пока что не вижу причин для лжи. Больше я не интересовался ничем.

– Ага, – отозвался Налти, по привычке недоверчиво.

– Тем более с Лосем Мэллоем у нас все ясно, и делу конец. Так что я отправляюсь домой и примусь зарабатывать на жизнь.

– С Мэллоем возможна промашка, – сказал Налти. – Этим типам иногда удается скрыться. Даже здоровенным типам. – Глаза его тоже выражали недоверчивость – насколько они вообще могли что-то выражать. – Много она тебе сунула?

– Что?

– Сколько эта старуха сунула тебе, чтобы ты отстал?

– От чего?

– От этого самого. – Он вынул пальцы из жилетных пройм и сложил руки на груди, сдвинув ладони. Улыбнулся.

– О господи! – сказал я и вышел из кабинета, оставив Налти с открытым ртом.

Дойдя до выхода, я вернулся, тихо приоткрыл дверь кабинета и заглянул. Налти сидел в той же позе, сведя вместе большие пальцы. Но уже не улыбался. Теперь он выглядел озабоченным. Рот его был по-прежнему открыт.

Он не шевельнулся и не поднял глаза. Непонятно было, слышал он мои шаги или нет. Я снова прикрыл дверь и ушел.

7

В том году на календаре был изображен Рембрандт, автопортрет, немного смазанный из-за плохо пригнанных клише. Художник держал выпачканную палитру на грязном большом пальце, голову его украшал шотландский берет, тоже не особенно чистый. В другой руке у него была кисть, словно он собирался немного поработать, если получит аванс. Лицо его было постаревшим, глубокомысленным, полным отворачивания к жизни и опухшим от пьянства. Но в нем была такая непоколебимая бодрость, которая мне нравилась, глаза сверкали, словно капли росы.

Примерно в половине пятого, когда я разглядывал его, сидя за столом у себя в кабинете, зазвонил телефон, я снял трубку и услышал голос, звучащий так, словно его обладатель был очень высокого мнения о себе. После моего ответа он манерно протянул:

– Вы Филип Марло, частный детектив?

– Точно.

– Э... вы хотите сказать «да». Мне рекомендовали вас как человека, умеющего держать язык за зубами. Я хотел бы, чтобы вы подъехали ко мне сегодня вечером в семь часов. Мы обсудим одно дело. Зовут меня Линдсей Марриотт, живу я в Монтемар-Виста, Кабрильо-стрит, сорок два двенадцать. Вы знаете, где это?

– Я знаю, где Монтемар-Виста, мистер Марриотт.

– Отлично. Только Кабрильо-стрит найти трудновато. Улицы здесь проложены любопытными, но путаными виражами. Я бы предложил вам подняться по лестнице, ведущей от кафе на тротуаре. В таком случае Кабрильо будет третьей по счету улицей, а мой дом – единственный в этом квартале. Значит, в семь?

– В чем суть работы, мистер Марриотт?

– Я предпочел бы не обсуждать это по телефону.

– Не могли бы вы как-то намекнуть? Монтемар-Виста – не ближний свет.

– Если мы не придем к соглашению, я охотно возьму ваши убытки. Вы очень привередливы относительно сути работы?

– Пока все в рамках закона – нет.

Голос его стал ледяным.

– В противном случае я бы не стал вам звонить.

Гарвардский питомец. Отменно употребляет сослагательное наклонение. Мне захотелось послать его к черту, но мой банковский счет был на последнем издыхании. Придав голосу медоточивости, я сказал:

– Большое спасибо, что позвонили, мистер Марриотт. Я приеду.

Он повесил трубку. Мне показалось, что на лице мистера Рембрандта заиграла легкая усмешка. Я достал из тумбы стола бутылку и отпил глоток. Мистер Рембрандт тут же перестал усмехаться.

Луч солнца скользнул по краю стола и бесшумно упал на ковер. На бульваре зазвенел, переключаясь, светофор, прогрехотал мимо междугородний автобус, за стеной в конторе адвоката монотонно стучала машинка. Едва я успел набить трубку, как снова раздался телефонный звонок.

Звонил Налти. Рот его, казалось, был набит горячей картошкой.

– Ну, я вроде бы дал промашку, – сказал он, удостоверюсь, что говорит со мной. – Упустил Мэллоя. Он навевался к этой Флорианше.

Я так стиснул трубку, что едва не раздавил. Верхняя губа внезапно похолодела.

– Говорите дальше. Я думал, вы его выследили.

– Вышла ошибочка. Мэллой вообще там не появлялся. Нам позвонила с Пятьдесят четвертой Западной одна старушка, любительница подглядывать. К Флорианше приезжали двое. Первый поставил машину на противоположной стороне улицы и вел себя подозрительно. Тщательно оглядел дом, прежде чем войти. Пробыл там около часа. Рост шесть футов, темные волосы, среднего сложения. Вышел тихо.

– С запахом перегара, – добавил я.

– А, ясно. Значит, это был ты. Ну а второй – Лось. Тип в яркой одежде, громадный, как дом. Тоже приехал на машине, но старая дама с такого расстояния не разобрала номер. Говорит, что появился он через час после твоего ухода. Торопливо вошел и вышел минут через пять. Перед тем как сесть в машину, достал большой револьвер и прокрутил барабан. Потому, наверное, старая дама и позвонила. Правда, выстрелов в доме она не слышала.

– Ужасное, должно быть, разочарование, – сказал я.

– Ага. Шутка. Напомни в выходной, я посмеюсь. И старая дама тоже не прочь посмеяться. Ребята подъехали на патрульной машине, постучали, но никто не отозвался. Тогда они вошли, парадная дверь была не заперта. Трупов на полу не оказалось. В доме – ни души. Флорианша куда-то скрылась. Тогда они сунулись в соседний дом, побеседовали со старой дамой, та очень сокрушалась, что не видела, как ушла соседка. Патрульные доложили обстановку и поехали дальше. Через час, может, через полтора старая дама звонит и сообщает, что миссис Флориан снова дома. Я спрашиваю, какое это имеет значение, и она тут же вешает трубку.

Налти сделал паузу, чтобы перевести дыхание и выслушать мои комментарии. У меня их не оказалось. Тогда он ворчливо спросил:

– Что скажешь?

– Ничего особенного. Что Лось появится там, вполне следовало ожидать. Разумеется, он хорошо знает миссис Флориан. И естественно, задерживаться у нее он не стал. Боялся, что полицейские догадаются заявиться туда.

– Я вот думаю, – спокойно сказал Налти, – может, мне стоит поехать к ней, выяснить, куда она ходила.

– Хорошая мысль, – одобрил я. – Только надо, чтобы кто-нибудь поднял вас со стула.

– Что? Ах, опять шутка. Впрочем, теперь выяснять это не обязательно. Пожалуй, не поеду.

– Что ж, – сказал я. – Будем располагать тем, что есть.

Налти хохотнул:

– Мэллой мы засекли. Теперь-то он действительно у нас в руках. Сейчас он едет на север, машину взял напрокат. Парень с бензоколонки опознал его по нашей радиосводке. Говорит, что все совпадает, только Мэллой переоделся в темный костюм. Мы подняли на ноги окружную полицию и полицию штата. Если он поедет на север, мы возьмем его на Вентура-лайн, а если свернет к Ридж-рут, ему придется остановиться в Кастаике оплатить проезд по шоссе. Если не остановится, оттуда позвонят на следующий пост, и дорогу заблокируют. Не хотелось бы, чтобы кто-то из полицейских нарвался на пулю. Хорошо задумано?

– Неплохо, – сказал я. – Если только это действительно Мэллой и если он поведет себя так, как вы рассчитываете.

Налти старательно откашлялся.

– Да. А чем занят ты – так, на всякий случай?

– Ничем. С какой стати мне чем-то заниматься?

– Ты неплохо поладил с миссис Флориан. Может, у нее окажутся еще какие-то соображения?

– Только прихватите с собой бутылку, – сказал я.

– Ты недурно побеседовал с ней. Может, стоит потратить на нее еще немного времени?

– По-моему, это дело полиции.

- Оно конечно. Только раз ты уж начал проворачивать идею насчет той девицы...
- Похоже, это пустой номер – если миссис Флориан не врет.
- Женщины постоянно врут – просто так, для практики, – угрюмо сказал Налти. – Ты не очень занят, а?
- У меня есть работа. Подвернулась после того, как мы расстались. Работа, за которую платят. Не обессудьте.
- Стало быть, не хочешь мне помочь?
- Не в этом дело. Просто нужно зарабатывать на жизнь.
- Ладно, приятель. Раз ты так относишься к этому, ладно.
- Да никак не отношусь, – чуть ли не закричал я. – Только у меня нет времени помогать вам или другим фараонам.
- Ну-ну, позлись, – сказал Налти и оборвал разговор.
- Я стиснул умолкшую трубку и прорычал:
- В городе тысяча семьсот пятьдесят полицейских, и все хотят использовать меня на побегушках.
- Бросив трубку, я опять приложился к бутылке.
- Чуть погодя я спустился в вестибюль и купил вечернюю газету. Налти был прав по крайней мере в одном. Об убийстве Монтгомери в разделе «Объявлен розыск» пока не упоминалось.
- Я вышел из здания с расчетом пообедать пораньше.

8

Когда я приехал в Монтемар-Виста, уже начинало смеркаться, но вода еще поблескивала в лучах заходящего солнца, вдали широкими ровными валами бился прибой. Между пенными гребнями волн летела, почти касаясь воды, стая пеликанов. Одинокая яхта направлялась в лодочную гавань Бэй-Сити. За ней расстилалась бескрайняя пурпурно-зеленая гладь океана.

Рядом с пляжем проходило шоссе, над ним высилась широкая бетонная арка, представляющая собой пешеходный мост. Бетонная лестница с толстыми оцинкованными перилами шла от арки вверх по склону горы прямо, как стрела. За аркой находилось кафе, о котором говорил мой клиент, изнутри оно было ярко освещено, но снаружи за столиками под полосатым тентом не было никого, кроме брюнетки в брюках; она курила, угрюмо глядя на море, перед ней стояла бутылка пива. Фокстерьер использовал один из железных стульев вместо столба. Когда я проезжал мимо в поисках стоянки, она рассеянно выговаривала ему.

От стоянки я вернулся пешком, прошел под аркой и стал подниматься по лестнице. Славная прогулка, если любишь одышку. До Кабрильо-стрит двести восемьдесят ступеней. Ветер присыпал их песком, перила были мокрыми и холодными, как брюхо жабы.

Когда я вышел наверх, вода уже потемнела, с океана дул бриз, чайка со сломанной лапкой кружилась, преодолевая его. Я сел на сырую, холодную верхнюю ступеньку, вытряхнул из туфель песок и стал ждать, чтобы пульс немного замедлился. Слегка отдышавшись, я отодрал от спины прилипшую рубашку и направился к освещенному дому, единственному вблизи лестницы.

Это был уютный небольшой дом, к парадной двери вела потускневшая от соленого воздуха винтовая лестница, над дверью висел фонарь, сделанный под каретный. Внизу, рядом с домом, находился гараж. Ворота его были раздвинуты, в тусклом свете виднелся похожий на линкор большой черный автомобиль с хромовыми завитушками, хвостом койота, привязанным к фигурке Ники Самофракийской на пробке радиатора, и выгравированными инициалами владельца на месте эмблемы фирмы. Руль находился справа. Судя по виду, автомобиль стоил дороже, чем дом.

Я поднялся по винтовой лестнице и, не обнаружив звонка, постучал молоточком в форме тигровой головы. Стук заглох в вечернем тумане. Шагов в доме не слышалось. Влажная от пота рубашка холодила мне спину, как лед. Дверь бесшумно отворилась, и передо мной предстал высокий блондин в белом фланелевом костюме и с фиолетовым шелковым шарфом на шее.

В петлице белого пиджака красовался василек, по сравнению с ним светло-голубые глаза блондина казались блеклыми. Фиолетовый шарф облегал шею свободно, поэтому было видно, что мой визави без галстука и что шея у него толстая, мягкая, как у сильной женщины. Черты его лица были крупноваты, но красивы; он был на дюйм выше меня. Белокурые волосы были уложены тремя уступами, так что прическа напоминала ступени лестницы и поэтому сразу мне не понравилась. Впрочем, она бы не понравилась мне в любом случае. И вообще, у него был вид человека, который носит костюм из белой фланели с фиолетовым шарфом и василек в петлице.

Блондин негромко откашлялся и взглянул через мое плечо на потемневшее море. Потом надменно произнес холодным тоном:

– Да?

– Семь часов, – сказал я. – Минута в минуту.

– Ах да. Постойте, ваша фамилия... – Он умолк и нахмурился, словно пытаясь вспомнить. Эффект был липовый, как родословная подержанного автомобиля.

Я помедлил минуту, потом сказал:

– Филипп Марло. Та же самая, что была днем.

Блондин резко бросил на меня недовольный взгляд, словно сказанное мной требовало каких-то мер. Потом отступил назад и холодно произнес:

– Да-да. Совершенно верно. Входите, Марло. У моего слуги сегодня свободный вечер.

Дверь он распахнул кончиком пальца, словно брезговал делать это сам.

Я вошел и, проходя мимо него, ощутил запах духов. Блондин закрыл дверь. Мы оказались на низкой галерее с железными перилами, опоясывающей с трех сторон большую гостиную. С четвертой стороны находились большой камин и две двери. В камине потрескивал огонь. Вдоль галереи тянулись книжные полки и металлически поблескивали скульптуры на пьедесталах.

Мы спустились по трем ступеням. На полу был расстелен ковер, нога утопала в нем почти по щиколотку. Стоял раскрытый концертный рояль. На его углу высилась серебряная ваза с розой, под вазой лежала салфетка из светлого бархата. Было много изящной мебели, очень много напольных подушек и с золотыми кистями, и без. Славная комната, если в ней вести себя тихо. В теневом углу стоял покрытый камчатной тканью диван. В таких комнатах люди сидят, подобрав под себя ноги, потягивают абсент через кубик сахара, говорят высокими жеманными голосами, а иногда просто пищат. Заниматься там можно чем угодно, кроме работы.

Мистер Линдсей Марриотт присел к роялю, нагнулся, понюхал желтую розу, потом открыл французский эмалированный портсигар и закурил длинную коричневую сигарету с золотым ободком. Я сел в розовое кресло, надеясь, что не оставлю на нем следов. Закурил «Кэмел», выдохнул дым через нос и взглянул на скульптуру из черного блестящего металла. Она представляла собой замкнутую кривую с небольшой складкой внутри и двумя выступами снаружи. Марриотт заметил, что я разглядываю ее.

– Любопытная вещица, – небрежно бросил он. – Мое недавнее приобретение. «Дух зари» Асты Дайел.

– Мне показалось, что это «Две бородавки на заднице» Клопстейна, – сказал я.

Лицо мистера Марриотта скривилось, будто он проглотил пчелу. Сделав усилие, он согнал гримасу.

– У вас очень своеобразное чувство юмора.

– Да не особенно, – отозвался я. – Просто раскрепощенное.

– Да, – ледяным голосом произнес он. – Да... разумеется. Несомненно... Так вот, дело, ради которого я хотел вас видеть, собственно говоря, очень незначительное. Вряд ли стоило приглашать вас сюда. Сегодня ночью мне нужно встретиться с двумя людьми и передать им деньги. Я подумал, что и мне стоило бы взять кого-нибудь с собой. Вы носите пистолет?

– Иногда.

Я взглянул на ямочку его широкого мясистого подбородка. Туда можно было бы уложить шарик.

– Я не хочу, чтобы вы брали его. Ничего подобного не требуется. Это чисто деловая операция.

– Я почти никогда не стреляю. Шантаж?

Марриотт нахмурился:

– Разумеется, нет. Я не даю поводов для шантажа.

– Это случается и с безупречнейшими людьми. Я бы сказал, главным образом с ними.

Его рука с сигаретой дрогнула. В аквамариновых глазах появилось чуть задумчивое выражение, но губы улыбались. С такой улыбкой вручают шелковый шнурок для удавки.

Затянувшись и выпустив облачко дыма, Марриотт откинул голову назад. Плавные очертания его горла проступили четче. Глаза медленно опустились и уставились на меня.

– Встречусь я с этими людьми – как можно предположить – в безлюдном месте. Где именно – пока не знаю. Я жду звонка, подробности сообщат по телефону. Надо быть готовыми выехать немедленно. Это будет недалеко отсюда. Таковы условия.

– Вы давно об этом договаривались?

– Три или четыре дня назад.

– Долго же откладывали проблему телохранителя.

Марриотт задумался. Страхнул с сигареты темный пепел.

– Это верно. Я никак не мог решиться. Мне было бы лучше отправиться туда одному, хотя определенно этого сказано не было. С другой стороны, я не такой уж смельчак.

– Они, конечно, знают вас в лицо?

– Я... я не уверен. У меня при себе будет крупная сумма, и деньги это не мои. Я действую от лица своей приятельницы. И разумеется, ни в коем случае не могу допустить их пропажи.

Я погасил окуроч, откинулся на спинку розового кресла и завертел большими пальцами.

– Сколько денег – и за что?

– Видите ли... – Улыбка теперь была довольно приятной, но все же мне она не нравилась. – Я не могу вдаваться в подробности.

– Просто хотите, чтобы я поехал с вами и подержал вашу шляпу?

Рука дрогнула снова, и пепел упал на манжету. Страхнув его, Марриотт стал разглядывать это место.

– Боюсь, что мне не нравятся ваши манеры, – негодуяше сказал он.

– Ими уже возмущались, – ответил я. – Но кажется, безрезультатно. Давайте разберемся с вашей проблемой. Вам нужен телохранитель, но у него не должно быть оружия. Вам нужен помощник, но он не должен знать, что ему делать. Вы хотите, чтобы я рисковал головой, не зная, для чего и зачем и как велик риск. Сколько вы предлагаете мне за все это?

– Я, собственно, еще не думал о размере вознаграждения, – густо покраснев, сказал Марриотт.

– А не пора ли подумать?

Он мягко подался вперед и улыбнулся, оскалив зубы:

– Что скажете о хорошем ударе по носу?

Я ухмыльнулся, встал, надел шляпу и зашагал по ковру к двери, но не слишком быстро.

– Предлагаю сто долларов, – резко прозвучал мне вслед его голос, – за несколько часов вашего времени. Если этого мало, скажите. Риска нет никакого. Мою приятельницу ограбили, отняли драгоценности – и я выкупаю их. Сядьте и не будьте таким обидчивым.

Я вернулся к розовому креслу и сел.

– Хорошо, – сказал я. – Рассказывайте.

Секунд десять мы глядели друг на друга.

– Вы слышали когда-нибудь о нефрите фэй-цзюй? – спросил Марриотт и снова закурил коричневую сигарету. – Он же – жадеит-империал.

– Нет.

– Это единственная драгоценная разновидность. В прочих нефритах ценится не столько материал, сколько работа. Фэй-цзюй драгоценен сам по себе. Все известные его запасы истощились сотни лет назад. Моей приятельнице принадлежит ожерелье тончайшей работы из шести-десяти бусин, каждая каратов по шесть. Стоит оно восемьдесят или девяносто тысяч долларов. Ожерелье чуть побольше является государственной собственностью Китая и оценивается в сто двадцать пять тысяч. Несколько дней назад мою приятельницу ограбили. Я был при этом, но ничего не мог поделать. Мы с ней были на вечеринке, потом заехали в Трокадеро, а оттуда возвращались домой. Какой-то автомобиль оцарапал крыло моей машины и притормозил; я подумал, что водитель намерен извиниться. Вместо извинения нас ограбили – быстро и очень ловко. Грабителей было трое или четверо, собственно, я видел только двоих, но уверен, что один сидел за рулем, и, кажется, мельком заметил четвертого сквозь заднее стекло. На моей приятельнице было это нефритовое ожерелье. Они взяли его, два перстня и браслет. Тот, кто походил на главаря, не спеша осмотрел вещи под лучом карманного фонарика. Потом вернул один перстень, сказав, что это даст нам представление, с какими людьми мы имеем дело, и посоветовал

товал ждать звонка, не ставя в известность ни полицию, ни страховую компанию. Мы послушались их совета. Подобные истории, разумеется, происходят часто. Люди помалкивают и платят выкуп, иначе им больше не видать своих драгоценностей. Если они застрахованы на полную стоимость, то, может, и все равно, но, если драгоценности уникальные, предпочтительнее их выкупить.

Я кивнул:

– А такие ожерелья попадаются не каждый день.

Марриотт с мечтательным выражением лица провел пальцем по крышке рояля, словно прикосновение к гладкой поверхности доставляло ему наслаждение.

– Совершенно верно. Другого такого не найти. Ей ни в коем случае не стоило выезжать в этом ожерелье. Но она легкомысленная женщина. Другие вещи были тоже ценными, но ordinарными.

– Угу. Сколько вы должны им выплатить?

– Восемь тысяч долларов. Это невероятно дешево. Однако если моя приятельница не сможет купить другого такого же, то и грабителям нелегко будет его сбыть. Оно, должно быть, известно ювелирам по всей стране.

– Эта ваша приятельница – у нее есть имя?

– Я предпочел бы пока не называть его.

– На чем вы условились?

Марриотт поглядел на меня своими светлыми глазами. Мне показалось, что он слегка испуган, но я знал его слишком мало. Может, дело было в похмелье. Рука, державшая темную сигарету, все время дрожала.

– Переговоры велись несколько дней по телефону, через меня. Все обговорено, кроме времени и места встречи. Состояться она должна сегодня ночью. Грабители сказали, что место будет выбрано неподалеку отсюда и я должен быть готов выехать немедленно. Видимо, чтобы нельзя было подготовить засаду. Я имею в виду полицию.

– Угу. Деньги помечены? Я полагаю, вы приготовили деньги, а не чек?

– Да, конечно. Двадцатидолларовые банкноты. А для чего их помечать?

– Чтобы потом в черном свете обнаружить метку. Причин никаких, кроме той, что полиция хотелось бы накрыть эту шайку. Меченые деньги могут вывести на какого-нибудь типа с уголовным прошлым.

Марриотт задумчиво нахмурился:

– Боюсь, я не представляю, что такое черный свет.

– Ультрафиолет. Специальные чернила мерцают от него в темноте. Я мог бы заняться этим.

– Боюсь, уже поздно, – лаконично ответил он.

– Да, и это одно из обстоятельств, которые беспокоят меня.

– Почему?

– Почему вы позвонили мне только сегодня? Почему выбрали именно меня? От кого вы обо мне слышали?

Марриотт засмеялся. Так мог бы смеяться мальчишка, не особенно юный.

– Что ж, должен признаться, я наобум выбрал вашу фамилию из телефонного справочника. Видите ли, я никого не собирался брать с собой. А сегодня подумал – почему бы и нет? Я вынул помятую сигарету, закурил и уставился на него:

– Что же у вас за план?

Марриотт развел руками:

– Поехать, куда мне скажут, отдать деньги, получить ожерелье.

– Угу.

– Вам, кажется, очень нравится это выражение.

– Какое?

– Угу.

– Где буду находиться я – на заднем сиденье?

– Видимо, да. Автомобиль большой. Вы без труда сможете спрятаться сзади.

– Послушайте, – неторопливо произнес я. – Вы собираетесь ехать, спрятав меня на заднем сиденье, в то место, которое вам назовут по телефону. У вас будет восемь тысяч для выкупа ожерелья, стоящего в десять или двадцать раз дороже. Скорее всего, вы получите сверток, который вам не позволят раскрыть, – если вообще получите что-нибудь. Возможно также, что грабители просто возьмут деньги, пересчитают их где-нибудь в другом месте, а потом, если будут столь великодушны, отправят вам ожерелье по почте. Они вполне могут одурачить вас. И я, разумеется, никак не смогу им помешать. Это тертые парни. Бандиты. Они могут даже трахнуть вас по голове, не очень сильно, просто оглушить и скрыться.

– Честно говоря, я немного опасаясь чего-то в этом роде, – спокойно сказал Марриотт, и в глазах его что-то промелькнуло. – Наверное, именно поэтому я и хочу, чтобы со мной был кто-нибудь.

– При ограблении они светили на вас фонариком?

Он покачал головой.

– Не важно. С тех пор у них был десяток возможностей рассмотреть вас. Может, они заранее разузнали о вас все. Грабители такие дела готовят заблаговременно – как дантист готовит зуб под коронку. Вы часто появляетесь с этой дамой?

– Ну... не так уж редко.

– Она замужем?

– Послушайте, – огрызнулся Марриотт, – может, не будем касаться этой дамы?

– Ладно, – ответил я. – Но чем больше я знаю, тем меньше совершу ошибок. Мне бы следовало отказаться от этой работы, Марриотт. Судите сами. Если эти люди намерены вести честную игру, я вам не понадоблюсь. Если нет – я ничего не смогу поделать.

– Мне нужно только ваше общество, – торопливо сказал он.

Я пожал плечами:

– Ладно – только я поведу машину и возьму деньги, а вы спрячетесь сзади. Мы почти одного роста. Если будут какие-то вопросы, мы просто-напросто скажем правду. Ничего от этого не потеряем.

Марриотт закусил губу:

– Нет.

– Я получаю сотню долларов ни за что. Если кому-то из нас достанется по башке, то пусть уж мне.

Марриотт нахмурился и покачал головой, однако после длительного раздумья лицо его прояснилось и на губах появилась улыбка.

– Согласен, – неторопливо произнес он. – Не думаю, чтобы это имело какое-то значение. Мы будем вместе. Хотите коньяка?

– Угу. И можете вручить мне мои сто долларов. Я люблю держать деньги в руках.

Марриотт направился к двери походкой танцора, верхняя часть его туловища почти не двигалась.

Не успел он отойти, как в маленькой нише на галерее зазвонил телефон. Однако это был не тот звонок, которого мы ждали. Разговор шел в слишком уж нежных тонах.

Вскоре Марриотт пританцевал обратно с бутылкой пятизвездного «Мартеля» и пятью хрустящими двадцатками. Вечер сразу же стал приятным – пока что.

9

В доме было очень тихо. Издали доносился шум не то прибоя, не то машин на шоссе, не то ветра в соснах. Конечно же, это далеко внизу плескался океан. Я сидел, прислушивался к его плеску и неторопливо, старательно размышлял.

В течение полутора часов телефон звонил четыре раза. Звонок, которого мы ждали, раздался в десять минут одиннадцатого. Марриотт говорил недолго, очень тихо, потом положил трубку и как-то робко поднялся. Лицо его вытянулось. Теперь на нем был уже темный костюм. Он молча вернулся в гостиную, налил себе коньяка, с какой-то жалкой улыбкой поглядел через него на свет, быстро взболтнул и вылил в горло.

– Ну, Марло, можно ехать. Готовы?

– Давно готов. Куда мы едем?

– Место называется Пуриссима-каньон.

– Впервые слышу.

– Сейчас принесу карту.

Марриотт принес карту, быстро развернул ее, склонился над ней, и свет замерцал в его белокурых волосах. Указал пальцем. Оказалось, это один из каньонов за бульваром, отходящим к городу от приморского шоссе севернее Бэй-Сити. Я очень смутно представлял, где это. Вроде бы в конце улицы Камино-де-ла-Коста.

– Езды туда от силы двенадцать минут, – торопливо сказал Марриотт. – Двинулись. В нашем распоряжении меньше получаса.

Он дал мне светлый плащ, превращавший меня в отличную мишень. Плащ пришелся как раз впору. Шляпу я надел свою. Под мышкой у меня был пистолет, но об этом я умолчал.

Пока я надевал плащ, Марриотт вертел в руках пухлый конверт из плотной бумаги с восемью тысячами долларов и, заметно нервничая, негромко говорил:

– Они сказали, что в дальнем конце этого каньона есть ровная площадка. Ее отделяет от дороги белый барьер, мимо него едва может протиснуться машина. Дорога грунтовая, ведет она вниз, в небольшую ложину, и там мы должны ждать с выключенными фарами. Домов поблизости нет.

– Мы?

– То есть я – теоретически.

– А-а.

Марриотт протянул мне конверт, я открыл его и заглянул внутрь. Там действительно были деньги, толстая пачка. Считать их я не стал, снова перехватил конверт резинкой и сунул во внутренний карман плаща. Он вдавился мне в ребра.

Мы пошли к выходу. Марриотт везде выключал свет. Потом он осторожно приоткрыл дверь и вгляделся в туманный воздух. Мы спустились по изогнутой, потемневшей от соли лестнице к гаражу.

Стоял легкий туман, как всегда здесь по вечерам. Мне пришлось на какое-то время включить стеклоочистители.

Большой иностранный автомобиль катился сам, но я на всякий случай держался за руль.

Минуты две мы петляли по горе, а потом выскочили прямо к кафе у бульвара. Теперь мне стало понятно, почему Марриотт рекомендовал подняться по лестнице. Я мог бы часами колесить по этим кривым, изогнутым улицам, не находя выхода, как червяк в жестянке.

По шоссе, заливая его светом фар, двумя встречными потоками неслись машины. К северу с ревом катили большие грузовики, украшенные гирляндами зеленых и желтых огней. Мы ехали за ними минуты три, а потом возле большой заправочной станции свернули налево и принялись петлять вдоль холмов. Там было тихо, пустынно, ощущался запах водорослей и

полюны. То тут, то там в темноте появлялось желтое окно, одинокое, как последний апельсин. Встречные машины заливали дорогу холодным белым светом и, рыча, скрывались в темноте. Клубы тумана застилали звезды.

Марриотт наклонился ко мне с темного заднего сиденья и сказал:

– Огни справа – это приморский клуб «Бельведер». Следующий каньон называется Лос-Пульгас, а за ним – Пуриссима. На вершине второго подъема свернем направо.

Голос был негромким, сдавленным.

Утвердительно хмыкнув, я сказал:

– Спрячьте голову. Возможно, за нами следят. Ваша машина бросается в глаза, как устрицы на пикнике в штате Айова. Этим ребятам может не понравиться, что нас двое.

У начала каньона мы спустились в низину, въехали на подъем, затем опять вниз и опять вверх. Над моим ухом послышался сдавленный голос Марриотта:

– Теперь направо. Будет дом с прямоугольной башенкой. Поворот за ним.

– Вы не помогали грабителям выбирать место, а?

– Да нет, – сказал Марриотт и невесело рассмеялся: – Просто я хорошо знаю эти каньоны.

Я свернул за домом с прямоугольной белой башенкой, выложенной сверху круглой черепицей. Фары на миг осветили табличку с названием улицы, там было написано «Камино-дела-Коста». Мы ехали по широкой авеню со столбами без фонарей и заросшими травой тротуарами. Пьянящая мечта какого-то торговца недвижимостью обернулась здесь горьким похмельем. Слышно было, как за тротуарами трещат цикады и ухают лягушки-быки. До того бесшумен был автомобиль Марриотта.

Один дом на квартал, потом один на два квартала, потом домов не стало совсем. Несколько окон в домах еще светилось, но похоже было, что люди там ложатся спать вместе с курами. Мощеная авеню внезапно перешла в грунтовую дорогу, при сухой погоде твердую, как бетон. Дорога сузилась и полого пошла вниз, по обочинам сплошной стеной тянулся кустарник. Справа висели в воздухе огни клуба «Бельведер», далеко впереди поблескивала вода. Воздух был напоен едким запахом водорослей. Поперек дороги замаячил белый барьер, и у меня над ухом послышался голос Марриотта:

– Здесь, пожалуй, не проехать. Слишком узко.

Я выключил бесшумный мотор, убавил свет и прислушался. Ни звука. Отрубив свет полностью, я вышел из машины. Цикады примолкли. Сперва тишина была настолько полной, что с шоссе внизу, за милю отсюда, доносился шорох автомобильных шин. Потом цикады одна за другой принялись трещать снова, и вскоре темнота заполнилась их стрекотом.

– Сидите на месте. Я схожу туда, посмотрю, – прошептал я в сторону заднего сиденья.

Положив ладонь на рукоятку пистолета под пиджаком, я пошел вперед. Дорога между кустами и барьером оказалась шире, чем представлялось издали. Кто-то вырубил кусты у обочины, и на земле были следы шин. Должно быть, в теплые вечера сюда приезжали ребята с девочками. Я вышел за барьер. Дорога круто понижалась и резко сворачивала в сторону. За ней – темнота и отдаленный, неясный шум. И огни фар на шоссе. Я пошел дальше. Дорога обрывалась в пологой ложине, сплошь окруженной кустарником. Там никого не было. Другой дороги туда не вело. Я стоял в тишине и прислушивался.

Минута тянулась за минутой, я ждал какого-нибудь нового звука. Но ничего не слышалось. Очевидно, в ложине не было никого, кроме меня.

Я взглянул на огни приморского клуба. Человек с хорошим ночным биноклем, наверное, вполне мог бы следить за этим местом из верхнего окна. Он увидел бы, как подъехала и остановилась машина, заметил бы, кто вышел из нее, один человек приехал в ней или несколько. Из темной комнаты в хороший ночной бинокль можно увидеть гораздо больше, чем кажется возможным.

Я повернулся, собираясь уходить. Цикада под кустом затрещала так громко, что я чуть не подпрыгнул. Дошел до поворота, миновал белый барьер. Никого и ничего. Черный автомобиль тускло поблескивал в сером сумраке. Я подошел и ступил на подножку у водительской дверцы.

– Похоже, что проверка, – сказал я негромко, но так, чтобы Марриотт услышал. – Хотят посмотреть, выполните ли вы указания.

На заднем сиденье послышался какой-то шорох, но ответа не последовало. Я отвернулся к кустам, надеясь разглядеть что-нибудь за ними.

Кто-то нанес мне по затылку аккуратный, точный удар. Потом я думал, что, возможно, слышал свист дубинки. Видимо, всегда думаешь так – уже потом.

10

– Четыре минуты, – произнес голос. – Пять, возможно, шесть. Должно быть, они действовали быстро и бесшумно. Он даже не пикнул.

Открыв глаза, я увидел над собой холодную звезду. Я лежал на спине, меня мутило.

– Может, даже немного дольше, – произнес голос. – Возможно, целых восемь минут. Должно быть, они сидели в кустах, прямо возле машины. Этот тип сразу же струхнул. Небось ему посветили фонариком в лицо, и он потерял сознание от страха. Баба.

Голос умолк. Я приподнялся на колено. Боль пронзила меня от затылка до лодыжек.

– Потом один из них сел в машину, – снова послышался голос, – и стал ждать твоего возвращения. Другие опять спрятались. Видимо, они догадались, что ехать один он побоится. Или когда говорили по телефону, что-то в его голосе насторожило их.

Я одурело балансировал на четвереньках и прислушивался.

– Да, конечно, так и было, – произнес голос.

Это был мой голос. Приходя в сознание, я говорил сам с собой. Подсознательно пытался разобраться в случившемся.

– Заткнись, идиот, – сказал я и умолк.

Вдали урчали моторы, вблизи трещали цикады и раздавались характерные протяжные ии-ии-ии древесных лягушек. Мелькнула мысль, что теперь эти звуки уже никогда не покажутся мне приятными.

Я оторвал руку от земли, попытался стряхнуть с нее прилипший листок шалфея, потом вытер ее о плащ. Ничего себе работенка за сотню долларов. Полез во внутренний карман плаща. Конверта с деньгами, разумеется, не было. Полез в карман пиджака. Бумажник оказался на месте. Интересно, там ли еще моя сотня. Сомневаюсь. Слева под мышкой ощущалось что-то массивное. Пистолет в наплечной кобуре.

Любезное обхождение. Мне оставили пистолет. Любезное в особом смысле – все равно что зарезать человека, а потом закрыть ему глаза.

Я ощупал затылок. Шляпа была на месте. Не без труда я снял ее и ощупал голову. Добрая старая голова, я к ней привык. Теперь она стала немного побольше, немного помягче и более чем немного чувствительнее.

Но удар оказался не столь уж сильным. Спасла шляпа. Пользоваться головой я еще мог. На годик ее, наверное, хватит.

Я оперся правой рукой о землю, приподнял левую и взглянул на часы. Светящиеся стрелки, насколько я мог разобрать, показывали 10:56.

Звонок раздался в 10:08. Марриотт говорил около двух минут. Еще минуты через четыре мы вышли из дома. Время идет очень медленно, когда ты действительно чем-то занят. Я хочу сказать, что в считанные минуты можно сделать очень много. Разве это я хочу сказать? Да черт с ним, что бы я ни хотел сказать. Люди лучше меня и те не собирались говорить столько. Ладно, я хочу сказать, что было примерно 10:15. Ехали сюда мы около двенадцати минут. 10:27. Я вышел, спустился в лощину, провел там самое большее восемь минут и вернулся, чтобы получить по башке. Минута ушла на то, чтобы упасть и стукнуться лицом о землю. При этом я ободрал себе подбородок. Он побаливал. Чувствовалось, что на нем содрана кожа. Поэтому я и догадался. Нет, видеть его я не мог. Незачем мне его видеть. Это мой подбородок, и я знаю, ободран он или нет. Может, вы хотите что-то сказать? Ладно, помолчите и не мешайте мне думать. Что с...

Часы показывали 10:56. Значит, я пробыл без сознания двадцать минут.

Двадцать минут сна. Хорошей дремоты. За это время я прозевал шайку и лишился восьми тысяч. Что же тут такого? За двадцать минут можно потопить корабль, сбить три-

четыре самолета, провести две казни. Можно умереть, жениться, потерять работу, найти другую, выдернуть зуб, удалить железы. За двадцать минут можно даже подняться утром с постели. Можно получить стакан воды в ночном клубе – как мне кажется.

Двадцать минут сна. Это долго. Особенно в холодную ночь под открытым небом. Меня начала пробирать дрожь. Я все еще стоял на коленях. От запаха шалфея меня замутило. Липкая трава, с которой пчелы собирают мед. Мед сладкий, очень сладкий. В желудке забурило. Я стиснул зубы и едва удержал рвоту. На лбу выступил холодный пот, но дрожь все-таки не прекращалась. Я встал на одну ногу, потом на обе и, слегка пошатываясь, выпрямился. Чувствовал я себя будто ампутированная конечность.

Я медленно обернулся. Машины не было. Пустая грунтовая дорога тянулась вверх по отлогому склону к мощеной улице, к началу Камино-де-ла-Коста. Слева в темноте виднелся белый барьер. Над невысокой стеной кустов светилося тусклое зарево, должно быть огни Бэй-Сити. Правее и ближе – огни клуба «Бельведер».

Подойдя к тому месту, где стоял автомобиль, я достал тонкий фонарик и направил луч света на землю. Почва представляла собой красный суглинок, очень твердый в сухую погоду, но погода была не очень сухой. В воздухе висел легкий туман, и на поверхности осело достаточно влаги, чтобы разглядеть, где стояла машина. Я обнаружил очень слабые следы толстых десяти-слойных покрышек. Не сводя с них луча, я наклонился, и от боли у меня закружилась голова. Я отправился по этим следам. Футов десять они шли прямо, потом резко уходили влево. Но назад не сворачивали. Они шли к просвету с левой стороны белого барьера. Там я их потерял.

Я приблизился к барьеру и направил луч на кусты. Свежесломанные побеги. Я вышел на извилистую дорогу. Почва здесь была мягче. Опять следы толстых покрышек. Я спустился до поворота и оказался на краю окруженной кустарником лощины.

Машина была там, хромовые украшения и глянцевое покрытие поблескивали даже в темноте, красные хвостовые фонари засверкали под лучом фонарика. Внутри тихо, темно, все дверцы закрыты. Я подошел, скрипя зубами при каждом шаге. Открыл заднюю дверцу и направил внутрь луч фонарика. Пусто. И на переднем сиденье тоже. Зажигание выключено. Ключ висел на тонкой цепочке. Ни разорванных чехлов, ни поцарапанных стекол, ни крови, ни трупов. Все аккуратно и чисто. Я захлопнул дверцу и медленно обошел машину, ища хоть какие-то следы и не находя ничего.

Внезапный шум заставил меня замереть.

Над кромкой кустов рычал мотор. Я подскочил не больше чем на фут. Фонарик выпал. Пистолет сам собой оказался в руке. Свет фар поднялся к небу, потом опустился. Судя по шуму, машина была небольшой. Мотор гудел нутно, как всегда во влажном воздухе.

Свет фар опустился еще ниже и стал ярче. Машина ехала вниз по грунтовой дороге. Проехав две трети пути, остановилась. Вспыхнул фонарь, повернулся в сторону, на миг задержался и погас. Машина тронулась. Я вынул из кармана руку с пистолетом и присел за автомобилем Марриотта.

Небольшой двухместный автомобиль неопределенных очертаний и цвета скользнул в лощину и развернулся так, что свет фар пронизывал кусты насквозь. Я торопливо опустил голову. Автомобиль остановился. Мотор заглох. Фары погасли. Тишина. Потом распахнулась дверца, и легкая нога коснулась земли. Снова тишина. Даже цикады умолкли. Потом луч света прорезал темноту в нескольких дюймах над землей. Он двигался из стороны в сторону, и я не успел спрятать ноги. Луч замер на моих ступнях. Тишина. Луч поднялся и снова скользнул по капоту.

Послышался смех. Девичий. Напряженный, натянутый, как струна мандолины. Странно было слышать его в такой обстановке. Белый луч снова опустился под машину и замер на моих ступнях.

Раздался голос, пронзительный, но не очень:

– Эй вы, там! Выходите с поднятыми руками, и чтобы в них ничего не было. Иначе буду стрелять.

Я не двинулся.

Луч дрогнул, словно дрогнула рука, державшая фонарик, и опять медленно пополз по капоту. Голос снова резанул мне слух:

– Послушайте, незнакомец. Обе ваши ноги на виду. У меня десятизарядный автоматический пистолет. Я стреляю без промаха. Что скажете?

– Поднимите пистолет вверх – иначе вышибу его! – прорычал я. Голос мой напоминал треск отдираемых с курятника планок.

– Скажите, какой суровый джентльмен. – В голосе послышалась дрожь, приятная легкая дрожь. Потом он снова стал твердым. – Выходите? Считаю до трех. Смотрите, какая у вас защита – двенадцать толстых цилиндров, может быть даже шестнадцать. Но вашим ногам достанется. А чтобы кости лодыжек зажали, требуются годы и годы. Иногда они так и не...

Я неторопливо встал и глянул в луч фонарика:

– Когда мне страшно, я тоже говорю без умолку.

– Не... не подходите. Кто вы?

Я вышел из машины и направился к девушке. Остановился в шести футах от стройной темной фигуры с фонариком. Луч фонарика не дрожал.

– Ни с места, – резко приказала девушка. – Кто вы?

– Где же ваш пистолет?

Она сунула его в луч света. Ствол глядел мне в живот. Это был крохотный пистолетик, похожий на малокалиберный кольт.

– Ах вот какой, – сказал я. – Это игрушка. И в нем не десять зарядов. Шесть. Это просто-напросто пугач, с ним только охотиться на бабочек. Стыдно лгать так беззастенчиво.

– Вы в своем уме?

– Я? Меня оглушил бандит. Возможно, я слегка тронулся.

– Это... это ваша машина?

– Нет.

– Кто вы?

– Что вы разглядывали со своим фонарем?

– Так-так. Отвечаете вопросом на вопрос. Чисто мужская манера. Разглядывала человека.

– У него не белокурые волнистые волосы?

– Сейчас нет, – негромко ответила девушка. – Возможно, и были... прежде.

Меня это потрясло. Такого я почему-то не ожидал.

– Я его не видел, – запинаясь проговорил я. – Спускался по следам шин с фонариком. Сильно ему досталось?

И шагнул к ней. Маленький пистолет уставился на меня, луч фонарика не дрогнул.

– Успокойтесь, – тихо сказала она. – Возьмите себя в руки. Ваш друг мертв.

С минуту я ничего не говорил. Потом выдавил:

– Что ж, давайте подойдем поглядим на него.

– Давайте постоим здесь не двигаясь, и вы расскажете мне, кто вы и что произошло.

Голос звучал твердо. Страх в нем не было.

– Меня зовут Филип Марло. Я детектив. Частный.

– Вот как – если это не ложь. Докажите.

– Я достану бумажник.

– Нет уж. Держите руки на месте. С доказательствами пока подождем. Так что у вас произошло?

– Может быть, он жив.

– Мертв, не сомневайтесь. У него проломлен череп. Рассказывайте, мистер. Побystрее.

– Я же сказал, – возможно, он жив. Давайте посмотрим.

С этими словами я шагнул вперед.

– Еще один шаг, и я продырявлю вас! – резко сказала девушка.

Я сделал еще шаг. Луч фонарика дернулся. Видимо, она шагнула назад.

– Вы очень рискуете, мистер, – слышался ее негромкий голос. – Хорошо, идите вперед, я следом. У вас больной вид. Если бы не это...

– Вы бы меня застрелили. Я получил удар по голове. От этого у меня всякий раз под глазами появляются синяки.

– Милое чувство юмора – как у служителя морга, – чуть ли не простонала девушка.

Я отвернулся от света, и он тут же упал мне под ноги. Мы прошли мимо ее автомобиля, обычной маленькой машины, чистенькой, блестящей под звездами, видневшимися сквозь туман. Вышли на дорогу, миновали поворот. Шаги ее раздавались за моей спиной, фонарик освещал мне путь. Не было слышно ни звука, кроме наших шагов и ее дыхания. Своего я не слышал.

11

На середине склона я поглядел вправо и увидел ступню Марриотта. Девушка посветила туда. Тут я увидел тело полностью. По пути вниз я не заметил его, потому что шел согнувшись и вглядывался в следы шин под узким лучом фонарика.

– Дайте фонарик, – сказал я и протянул руку назад.

Девушка молча вложила его мне в ладонь. Я опустился на колено. Земля была влажной и холодной.

Марриотт лежал под кустами, на спине, в неестественной позе, всегда означающей одно и то же. Лицо его было неузнаваемо. Белокурые волосы слиплись и потемнели от крови, на них виднелась сероватая густая слизь, похожая на первобытный ил.

Девушка тяжело дышала за моей спиной, не произнося ни слова. Я посветил на лицо покойного. Череп разmozжен. Одна рука откинута, пальцы скрючены. Плащ сбился за спину, словно, упав, покойник покатылся по земле. Нога заброшена на ногу. В углу рта потек, черный, как машинное масло.

– Посветите мне, – сказал я девушке, отдавая фонарик. – Если вас не замутит.

Она молча взяла его и твердо, словно ветеран отдела расследований убийств, направила луч на покойника. Я снова взял свой тонкий фонарик и стал рыться в его карманах, стараясь не сдвинуть тело с места.

– Не следует этого делать, – сдавленно сказала девушка. – Не надо трогать его, пока не явится полиция.

– Правильно, – сказал я. – И ребятам с патрульной машины не положено трогать его до приезда экспертов, потом нужно ждать, пока врач произведет осмотр, фотографии сделают снимки, дактилоскопист снимет отпечатки пальцев. А знаете, сколько времени уйдет, чтобы добраться сюда? Около двух часов.

– Ладно, – сказала она. – Вы, наверное, всегда правы. Видно, такой уж вы человек. Должно быть, кто-то очень ненавидел его, раз так раскроил голову.

– Не думаю, что здесь личные причины, – проворчал я. – Кое-кому просто нравится раскраивать головы.

– То есть мне не надо даже догадываться, в чем тут дело, – язвительно сказала девушка.

Я принялся за обыск. В одном кармане брюк покойного обнаружил мелочь и бумажные деньги, в другом – кожаный футляр для ключей и перочинный нож. В левом заднем кармане лежал небольшой бумажник, там тоже деньги, страховая карточка, водительские права и две квитанции. В карманах пиджака – спички, золотой карандаш на зажиме, два тонких батистовых платка, чистых и белых как снег. Затем эмалированный портсигар, откуда покойник доставал сигареты с золотым ободком. Южноамериканские, из Монтевидео. А в другом внутреннем кармане – еще один портсигар, которого я раньше не видел. Шелковый, с обеих сторон вышиты драконы, очень тонкий каркас выполнен под черепаший панцирь. Нажав на защелку, я раскрыл портсигар и увидел под резиновой лентой три большие папиросы. На ощупь они казались старыми, сухими и неплотно набитыми.

– Он курил другие, – сказал я через плечо. – Это, видимо, для какой-нибудь подружки. Мне сдается, у него было немало подружек.

Девушка наклонилась, дыша мне в шею:

– Вы разве не знали его?

– Познакомился только сегодня вечером. Он нанял меня в качестве телохранителя.

– Ну и телохранитель!

На это я ничего не ответил.

– Извините, – почти шепотом сказала она. – Конечно, я не знаю всех обстоятельств. А папиросы не с марихуаной? Можно посмотреть?

Я протянул ей шелковый портсигар.

– У меня был знакомый, который курил марихуану, – сказала девушка. – После трех коктейлей и трех сигарет с травкой он уже не сознавал, где он и что с ним.

– Держите фонарик ровнее.

Послышался какой-то шорох. Потом снова ее голос:

– Прошу прощения.

Девушка вернула мне портсигар, и я сунул его обратно в карман Марриотту. Похоже, можно было ставить точку. Содержимое карманов свидетельствовало лишь о том, что в них не рылись.

Я поднялся и заглянул в свой бумажник. Пять двадцаток были на месте.

– Высокого полета птица, – сказал я. – Берет только большой куш.

Луч фонарика был направлен вниз. Я спрятал бумажник, убрал свой тонкий фонарик и внезапно рванулся к маленькому пистолету, который девушка держала в одной руке с фонариком. Пистолет оказался у меня, но фонарик упал на землю. Девушка торопливо отступила, я нагнулся и поднял его. Осветил на миг ей лицо, потом выключил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.